DNI

HEBDOMADAIRE
RUSSE

N° 16

23
DECEMBRE
1928

Prix 2 francs
en France

ДНИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

N° 16

23
ДЕКАБРЯ
1928

Цена 2 фр.
во Франции

PARIS 9BIS, RUE VINEUSE. TÉLÉPHONE : PASSY 89-61

Edouard SCHNEEBERG et ses Fils

dirigent eux-mêmes leur entreprise de
FUNERAILLES ET SEPULTURES:
Direction — Paris, 43, rue de la Victoire (9e)
6 lignes Trudaine 88-56 et la suite (Service de nuit)

SUCCURSALES :
52, Boulevard Edgar-Quinet (14), Danton 64-51
43, Boulevard Ménilmontant, Roquette 39-31
4, Avenue du Cimetière, Pantin, Comb. 06-22
157, Avenue Jean-Jaurès, (19), Nord 02-23
14, Rue du Repos (20), Roquette 87-23
VIRE (Calvados) T. 125

Maison de confiance — Tarif officiel — Grand-Prix Arts Décoratifs, Paris 1925

BRASSERIE — RESTAURANT

כשר

UNIQUE A PARIS
FLAMBAUM

37, F-g Montmartre
Tél. : Provence 70-93

Д-р И. Г. Шейнер

Внутренние и желудочно-кишечные болезни.
Прием от 4 с пол. до 6 ч. вечера
Tél. : Auteuil, 68-21.
156, Av. de Versailles.

Александра Александровича, Марию Викторовну, Леку, Галю и Витю Грешнер, живших в 1918 году в Бежице, Орловской губернии разыскивает
S. Greschner, 3, rue Alex. Parodi. Paris X.
Всех могущ. дать сведения умоляю написать.

ДЕШЕВОЕ ЧЕШСКОЕ ПЕРО 1 кг.

серого, хорошего, полудранного пера 15 и 18 кч., полубелого, драного кч. 20 и 22 белое пушистое перо драное 25, 30, 40, 50 кч., нежный полупух-перо кч. 60,70,80,90
От 5 кило высыл. наложен. платежом. Непонравившееся обменяем или деньги возвратим. — Большой прейс-курант бесплатно. — Наилучший источник для покупки.

S. BENIŠ, Praha-Vinohrady
Americká **26-129.**
ЧЕХИЯ

Д-р медицины

Н. А. Гольденштейн

ВНУТРЕННИЕ БОЛЕЗНИ.
Прием ежедневно от 3 до 5 час.
55, rue Sts Pères. Tél. Littré 26-43
Летом принимает в *Vichy* 26, rue Petillat
Tél. 32-29

Пишущие машины

всех фирм
Продажа - прокат - исправления
Рассрочка платежа
Принадлежности - копии
66, Av. de la Bourdonnais
Alma (Ecole Militaire)
Tél. Invalides 25-22
Самопиш. перо 39 фр. 75 с.

ACADEMIE D'AUTO
des Champs-Elysées

б. СПБ «Знание».
Самая старая и сам. большая авто-школа 1). Обуч. езде на легковых и грузовых автомобилях. 2).Практ. механика с практич. занятиями. 3). Курс такси и гранд-ремиз. Знание франц. яз. необяз. Русск. **рассрочка платежа.** Рекомендация на места. Пособия по обуч. езде (8 фр. 50 с.), матер. такси от 15 нояб. 28 г. (24 фр.) и курс механ. (25 ф.) высыл. налож. плат. в провинц. Занятия еж. до 21 ч., а также в воскр. Запись ежедн. от 9 — 12 и 2 — 8.
1) 78, Av. Champs Elysées в глубине Аркад
2) 11, rue de l'Amiral Roussin (15).
3) 31, rue Marbeuf (8).4) 29, rue Tronchet.
Директор-инженер **Б. Балясный.**

С 1-го декабря 1928 года в Париже выходит большая еженедельная газета
при ближайшем участии ПЕТРА СТРУВЕ

„Россія и Славянство"

Редактор К. И. ЗАЙЦЕВ
В каждом номере — Литературная Газета.
Адрес Редакции: **Rue Royer-Collard, Paris Ve.**
Цена отдельного номера во Франции — 60 сант.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА во Франции на 1 мес. — 2 фр. 40 с., 3 мес. — 6 фр., 6 мес. — 12 фр. на 1 год — 24 франка.

Ресторан и винно-гастрономическій магазин
„СЛАВА"

11, rue Tournefort, (возле Пантеона).
Первоклассная кухня. Завтраки и обеды.
Фаршированная рыба.
Молочные блюда.
Простокваша. Варенец.
Prix-Fixe 6 фр. et à la carte.
По абонем. — скидка.
Горячие блюда в течение всего дня.
Автобусы: A и S.

ПОРТНОЙ

Б. З. Рукин

24, rue du Faubourg Montmartre, 24.
Téléphone: Provence 37-59

(раньше: Киев, Николаевская 3)
доводит до сведения русской колонии и особенно киевлян, которым фирма моя была известна, как одна из лучших,
что мною открыт
ПРИЕМ ЗАКАЗОВ МУЖСКОГО ПЛАТЬЯ

ДНИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. Ф. КЕРЕНСКОГО

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:
9-bis, RUE VINEUSE, PARIS (XVI)
ТЕЛЕФОН: PASSY 89-61

№ 16 ВОСКРЕСЕНЬЕ, 23 ДЕКАБРЯ 1928 г. № 16

Содержание:

А. Керенский: Голос издалека (Шапками не закидаем; Отвечают только большевики; Калинин и крестьяне).

Современник: Политические заметки (Монархисты откровенные. — Монархисты прикровенные. — Политическая мораль).

Из России пишут: 1) Уклоны по «национальной линии» (письмо из Москвы), 2) Антисемитизм среди шахтеров.

Письмо крестьянина Калинину.

Зл. Игнатевский: Материализм не побеждает.

Р. Н-ов: Батраки о совхозах.

Совхозные успехи (из письма).

А. Потресов: Из мира рабочего движения и социализма (Конец локаута в Германии; Выборы в Норвегии, Чехословакии и др. странах).

Иностранная хроника (Конгресс «общества социальной политики»; Против капитализма; Протеже Рыкова; Неосторожные коммунисты; Муниципальная программа французских социалистов; Дискуссия в французской компартии).

Там и здесь: Заработная плата русских и немецких рабочих.

В. Зензинов: Письмо в редакцию.

Листок литературы и искусства (Критики; Пролетарское искусство; И нашим и вашим; Преступление Стефана Цвейга).

Список изданий, поступивших для отзыва.

ГОЛОС ИЗДАЛЕКА

46. Шапками не закидаем

В № 11 «Дней» я передавал коренное политическое впечатление иностранца, изъездившего этим летом Россию вдоль и поперек:

Россия распадается.

«Волга, Украина, Кавказ насыщены действенными, непримиримыми, наступающими под маской коммунизма, а иногда и открыто противорусскими, правильнее сказать, противороссийскими национализмами. Среди них нет одного — русского».

Конечно, это не так, писал я. Русское национальное сознание существует, но оно загнано в подполье, **оно одно** среди всех наступающих на него национализмов не подлежит по воле центральной власти никакому оказательству.

Да мы и не можем проявить ни великорусского, ни даже русского национализма. Национализма, которому впору было бы шагать рядом с центробежными национал-шовинизмами образца петлюровского украинства.

Чувство «русскости» преодолели мы вместе с московским царством, вместе с Русью. Российское государство строилось и крепло новым, надплеменным, наднародным **национальным российским сознанием.**

В этом национальном чувстве, чувстве России, для Руси не осталось места, ибо само государство российское переросло исторически границы Московии и загнать его туда невозможно. Можно разбить Россию вдребезги, но нельзя повернуть вспять историю. Без чувства России коренное население «восточной Европы» превратится в историческое ничто, в удобрительные туки чужих национализмов.

Но возможно ли такое превращение? Возможен ли «распад России», как это представляется сейчас иностранным наблюдателям?

На этот трагический вопрос из нашей русской, российской среды обычно слышится решительный ответ: никогда!

Никогда ничего с Россией не случится. Она представляется чем-то вечным, незыблемым, а все ее нынешние содрогания и оседания скользят по русскому сознанию как-то внешне, не оставляя почти в сердце горестных замет.

Ничего, все устроится, образуется. Пушкин, Толстой, Достоевский... При таких мировых громадах смешно даже пугаться каких-то там наступающих на Россию украинских и прочих шовинизмов. Шапками закидаем.

Нет, не закидаем, если не преодолеем убивающую Россию антинациональную, антигосударственную диктатуру Политбюро. Не преодолеем, если не вернемся на пути истории, **на пути России.**

Россия, пережившая революцию, — не тюрьма народов. Да для **всех,** входивших в состав империи народов, она нинигда тюрьмой и не была; во всяком случае, большинство ее народов было **на одинаковом с русским тюремном положении. А если мы возьмем не Польшу или Финляндию, а Кавказ или Туркестан, то туда даже царская Россия приносила не тюрьму, а освобождение, возвышение народов в следующую степень и государственной и национальной культуры.**

Россия, ныне исторически созревшая к воплощению — **Россия равноправных и свободных народов, где всему российскому принадлежит не господство** над нисшими, а лишь первенство среди равных; первенство, не захваченное штыками, а выслуженное тяжестью трудов и жертв в собирании и созидании общих, всем народам в равной мере принадлежащих материальных и культурных ценностей.

Преодолевая царское самовластие вкупе и влюбе с прочими народами России, **русский народ в грядущей свободе полагал себе равное с прочими место. Мы хотели культурного и государственного освобождения всех народов России, мы боролись за превращение централизованной российской монархии в федеративную российскую республику.**

Но никогда мы не хотели и не могли допустить ее расчленения. Самоопределение — да. «Вплоть до отделения» по односторонней воле отделяющегося, да еще с помощью иностранных штыков — никогда.

В последнем, декабрьском, номере «Прометея», журнала ненавидящих Россию грузино-азербейджано-туркестанских сепаратистов (выходящего на французском языке в Париже), в этом «Прометее» петлюровец А. Шульгин нападает на меня за мои «империалистические писания» в «Днях» с чрезвычайной яростью и грубостью.

Ничтожнее, бездарнее, невежественнее меня человека г. Шульгин и его соратники по расчленению России и представить себе не могут. Ну, это дело их личного вкуса. Сознаюсь, отвращение их ко мне меня не огорчает, а скорее

радует. Видимо, мои «невежественные писания» попадают в точку.

Настолько в точку попадают они, что в высшей степени оснащенный знаниями и, в частности, **знанием всех сепаратистских махинаций**, г. Шульгин пытается **оторвать интриги петлюровцев от польского генерального штаба.** Пользуясь тем, что «заместитель председателя Директории Украинской Республики и Главного Атамана Украинской Армии и Флота» пан Левицкий теперь уехал из Варшавы, г. Шульгин пытается вообще неразрывную связь украино-грузинских интриг против России с некоторыми планами Варшавы назвать моей «инсинуацией».

Хороша инсинуация, когда любой казак в Праге знает, как туда из Варшавы приезжали вербовщики набирать добровольцев-предателей в украинско-казацкую «армию». «Прометей» объявляет меня даже нарушителем законов политической «честности» за то, что я «доношу» на бедных украинских таких же, как я, «эмигрантов» и науськиваю на них Москву. Но в той статье, которая вызвала столь страшный гнев г. Шульгина, я заимствую факты из писаний тоже украинца-самостийника, только не «польской ориентации», г. Мандрыки, и ссылаюсь на слова советского военного министра Ворошилова, до меня уже обо всех варшавских действах осведомленного (см. «Дни» № 4).

Но защищая варшавских заговорщиков против моего «доноса» в Москву, А. Шульгин тут же исповедует право на **измену**. Если русские, подобные мне, демократы-«империалисты» в понятие самоопределения народов не вводят **право на предательство, право на призыв иностранцев для борьбы с ненавистными «русскими захватчиками», то это просто признак мании величия, которой до сих пор страдает вся русская демократия.**

«Ни один самый убежденный миролюбец, — рассуждает «Прометей», — не осудит народа, который станет защищаться против нападающего на него. Если разбойник лезет в дом, хозяин имеет право его выгнать. Тем более любой народ имеет право для защиты себя от нападающего вступить в переговоры с другими народами и их правительствами, поставить вопрос о своей независимости на международную почву».

Вопрос о независимости можно ставить на какую угодно почву, даже на почву приманки в Россию иностранцев грузинским марганцем, бакинской нефтью, донецким углем, одесским портом. Но тогда уже совершенно неуместно рассуждать о том, что русская демократия, отказываясь содействовать расхищению своего отечества, нарушает какие-то свои заветы и традиции.

Кстати, да будет известно г. Шульгину и ему подобным, что я лично никогда права на одностороннее «самоопределение вплоть до отделения» не признавал и не признаю. Найти противоречие в моей деятельности в 4-ой Государственной Думе, во Временном Правительстве и сейчас — никак нельзя, как бы ни старался это сделать А. Шульгин.

Я выступал с требованием автономии Украины в Думе совершенно один. Я во Временном Правительстве оставался защитником автономной Украины в ее этнографических, естественных границах. И сейчас Федеративная Россия мне не мыслится без равноправной внутри федерации Украины. Но и в Думе, и в Правительстве, и сейчас я не признавал и не признаю права на отторжение Украины от России и не вижу в этом никакого нарушения никаких ни демократических ни социалистических заветов.

Я повторяю то, что вызвало возмущение «Прометея» и обвинение меня в «легкомысленном незнании» постановлений рабочего Социалистического Интернационала. Я повторяю: от русской демократии, от русских социалистов, от России никакой Интернационал не может требовать того, чего он не требует ни от Англии, ни от Франции, ни от Польши, ни от любого, даже самого маленького, но разнонационального государства.

Между эльзасцами и французами в истории, в культуре и даже в языке гораздо меньше общего, чем между историей, культурой и языком «Великия и Малыя» России. Между тем французские социалисты выступают упорными противниками автономии Эльзаса и никогда Социалистический Интернационал не решится потребовать от них, а тем более от Франции, для Эльзаса права «самоопределения вплоть до отделения».

Тоже самое мы наблюдали в истории борьбы Ирландии с Англией. **Да и сами г.г. петлюровцы, сидя в Варшаве, тем самым подписываются под включением Белоруссии, Волыни и Галиции в границы польского централизованного государства.**

Для того, чтобы все стало ясно, и в моем «империализме», с начала моей политической работы до сегодняшнего дня, не оставалось сомнений, отвечу прямо на вопросы, поставленные мне «Прометеем».

Право народов на самоопределение признаю и украинцев из семьи народов не исключаю. Но право на одностороннее «отделение» решительно отрицаю. Насилие вызывает

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

1. Монархисты откровенные

Даже монархисты из белградского «Царского Вестника» не хотят считать себя реакционерами. Ils voient rouge — в собственном и переносном смысле... Настолько видят мир в превратном свете, что всерьез уверяют — «титул реакционеров несомненно больше идет к лицу этим грустным деятелям (Керенскому, Чернову, Милюкову)». Не монархисты-антоновцы «ведут непрекращающуюся травлю независимости мнения». Это другие — левые «господа, кричащие о свободе слова и личности», ведут «какой-то (?) поход на (?) свободу в ее лучшем, неискаженном смысле слова».

Так пишут в «Царском Вестнике» и тут же — очевидно, в качестве иллюстрации собственной «независимости мнения» и «свободы личности» — намечают контуры грядущего «царства крестьян». В будущем русском «земледельческом государстве» предполагается прежде всего ввести особые звания и сословия — «личных и потомственных почетных крестьян», а потом — осуществить неудавшуюся Троцкому милитаризацию труда. Вдохновляясь примером «всеобуча» и «территориальной системой рекрутации (!)» собираются, если не закрепостить все население, то хотя бы распространить «на всю Россию» систему казачьего устройства...

«Если казачество у нас так омилено (!) на Дону, так почему ему не быть также омиленным и на Волге, и на Двине, и на Печоре?.. Отчего нам не оказачить деревню? Отчего нам не омилитаризировать деревню на наш своеобразный русский лад?».

Это все именуется свободой.

Как не вспомнить при этом слова дальновидного поэта:

«Устами каждого воскликну я «Свобода».
Но разный смысл для каждого придам»...

Орган «восстановления престола православного царя-самодержца», к свободе взывающий и о свободе печалующийся, — картина воистину достойная не только «кисти Айвазовского», но и историко-политической хроники.

2. Монархисты прикровенные

Если нашлись монархисты, взыскующие свободы, — почему бы не быть «свободолюбцам», тужащим о монархии, ес-

насилие. И там, где попирается сила права, там торжествует неизбежно право силы.

«Прометей» и все его сотрудники исходят из основного положения: под большевиками Россия разлагается и слабеет, сила центробежных течений наростает. Тут г. Шульгин мою тревогу вполне понимает и принимает. Он только полагает, что расчленение России, которому он всячески содействует, «послужит на пользу самой русской демократии» и что когда мы вернемся из России в границы до-петровской Руси, тогда только исчезнет в Европе призрак «русской опасности», и мы сами вылечимся от нашей «мании величия».

Сепаратисты признают и ценят то, чего не понимают и не оценивают весьма многие русские люди: восстановление единства России при большевиках — опасный призрак. Он застилает от наших глаз все ускоряющийся процесс разложения социальных и государственных связей в организме государства. Эту язву разложения шапками не закидаешь. Ее нужно упорно лечить, воспитывая в молодых поколениях чувство России, укрепляя российское национальное сознание в самих себе.

---

47. Отвечают только большевики

Товарищ английского министра финансов г. Бутби, конечно, в совершенно частном порядке, выступил недавно перед большим собранием промышленных деятелей с речью об англо-большевистских отношениях.

Ближайший сотрудник прежде столь горячего покровителя наших «белых генералов» Черчилля прежде всего — о, конечно, в совершенно частном порядке, — заявил, что он не верит в скорое падение большевистской диктатуры в России. По совершенно частному, конечно, представлению высокого английского сановника, теперь силой вырвать власть у большевиков едва-ли возможно.

Возможно или нет, это другой вопрос. Об этом спорить сейчас с Бутби не стоит. Интересно ведь **самое мнение** члена английского правительства, отражающее, — конечно, в совершенно частном порядке, — взгляд на настоящее положение в России самого английского кабинета. Такое частное мнение помощника Черчилля в полной мере совпадает с сообщением «Дней» (№ 8), в котором говорилось об **отказе английских правительственных кругов от поддержки впредь всяких украино-грузино-польских авантюр.** Господам из «Прометея» следовало бы очень призадуматься над этой переменой фронта в Лондоне.

Литвинову и Ворошилову, только что пугавшим членов ЦИК-а всяческими кознями западных империалистов, нужно тоже поразмыслить над подлинными настроениями европейских правящих сфер. Тем более, что в связи с благоприятной оценкой устойчивости советского правительства **в английских правящих кругах наступил несомненный поворот и во взгляде на восстановление оффициальных отношений с Москвой.**

Об этом «Дни» писали еще 21-го октября. «В ближайшее время ожидается резкий поворот в английской политике в отношении СССР. Кабинет Балдуина решил выбить из рук рабочей партии предвыборный козырь — требование возобновления сношений с СССР — и провести это возобновление еще до выборов. Решение это принято по соглашению с влиятельными английскими банками»...

Г. Бутби через месяц так прямо и говорит: «Сейчас в Сити (в руководящих банковских кругах) и среди наших промышленников имеется движение за восстановление торговых отношений с Россией». Сам товарищ министра финансов — в совершенно личном порядке — этому настроению не только сочувствует, но и ставит те условия, которые должны быть выполнены большевиками для того, чтобы **«в их распоряжении оказались широкие кредиты лондонских банков».**

Условий всего два. И оба условия весьма исполнимы и незатруднительны.

Первое условие: даже не отказ от пропаганды, а гарантии ,что впредь «Россия не будет пользоваться своими дипломатическими привиллегиями для того, чтобы вести пропаганду за низвержение нашего правительства и нашей конституции».

Второе условие еще того проще: не выплата, а **признание долгов.** «Никто не надеется среди нас, что Россия может выплатить все или значительную часть своих долгов. Мы имеем право и хотим только одного: признания самого существования долгов и соглашения о выплате некоторой разумной доли их в определенное количество лет».

Представитель английского правительства — в совершенно частном и в совершенно личном порядке — поставил вопрос о долгах именно так, как в течение ряда лет ставили его «Дни».

Вопрос не в выплате самой жизнью уже погашенных огромных сумм, а в восстановлении незыблемости международных государственных обязательств, вне каковой никакой

ли не в будущем, то хотя бы в прошлом, пользующимся всяким поводом и случаем для оказательства своих верноподданнических чувств?..

Нет своих коронованных особ, — обратятся к чужим, инозе́мным; не хватает мирно царствующих, — обратятся к почившим в Бозе; суетливо станут метаться от гроба «небывалой» в русской истории царицы в Копенгагене к движению температуры и гноя в королевском легком в Лондоне...

Чего только не писали в связи со смертью вдовы Александра 3-го?!

От имени «русского народа зе́мно кланялся своей царице» виднейший иерарх русской церкви. Он узрел «в образе ушедшей царицы светоч для всего русского народа». В бывшей датской принцессе готовы были видеть «идею русской нации».

Но непревзойденным образцом верноподданнических чувств — восторженности до самозабвения и бессмысленности — надо считать уподобление «датской девушки» «образу черноглазой Наташи Ростовой» и любви будущей русской царицы к любви сначала к Андрею Болконскому (первый жених датской принцессы — старший сын Александра 2-го), а потом к *Пьеру Безухову!..*

Даже аллегорически уподобить Александра 3-го Пьеру Безухову это — такой шедевр, что и в «Возрождении» не часто встретишь!.. И о чем только думает заведующий литературным отделом «Возрождения»?! Ведь это уже по его части!

Такие заскоки и провалы не останавливают, однако, ни Гукасова, ни гукасят от нападок и изобличения «дремучей тупости подполья». По случаю очередного молебна и панихиды они не перестают читать мораль «подпольным тупицам», как надлежит титуловать и обращаться с высочайшими особами и как пишутся для них «кумплименты».

С мистическим упоением относясь к короне, званию, чину, ордену, эти моралисты с моралью раба и приживальщика — либо в морду, либо ручку пожалуйте! — не могут взять в толк, как это можно осмелиться бывшую царицу или бывшего главковерха так и именовать *бывшими*, вышедшими в тираж, а не действующими. Подбрасывая «скорбноглавому подполью» собственное свое измышление — будто высочайшим особам отказывают не только в былом титуле, но и в имени, будто их именуют «бывший Николай Николаевич», «бывшая Мария Федоровна», подслеповатый обозреватель из «Возрождения» не только видит то, чего нет, но и *не* видит того, что у него делается под носом, что пишет его же — и Гукасова — «Возрождение».

Точно в насмешку в том же номере газеты, в котором

международный кредит, никакой международный заем — суть невозможен.

Не подлежит никакому сомнению: по виду частное, личное заявление по русскому вопросу английского товарища министра финансов по существу есть **пробный шар самого правительства, пущенный в Москву.**

Со свойственной англичанам трезвостью, практичностью и ясностью, Лондон, раз решив повернуть свою политику с большевиками на 180 градусов, делает это прямо, легко и без всяких зигзагов.

Выставленные г. Бутби, ближайшим сотрудником Черчилля, условия для Москвы не только приемлемы, но и неожиданно легки.

Иностранные кредиты сейчас русскому народному хозяйству до зареза нужны.

Обязанность «советского правительства» — добиться от изуверов из Политбюро согласия на оба английских условия.

Во всяком случае, заявление товарища английского министра финансов показывает всей России, что правящая Европа и, в частности, Англия далеки сейчас от всяких намерений «душить», как выражаются Литвинов и Ворошилов, «пугающее» их социалистическое государство.

Увы, нищая, голодная, ободранная страна с изуродованной промышленностью никого на Западе не пугает, а у «акул капитализма» вызывает только презрительное сожаление.

Короли английских банков готовы помочь «социалистическому строительству» широкими кредитами.

Если этих кредитов Россия не получит, **отвечать будут только большевики.**

---

48. Калинин и крестьяне

На четвертой сессии ЦИК-а СССР с программной длиннейшей и путаной речью выступил сам всероссийский староста.

Калинин выступил с рассуждениями, можно сказать, двух планов: коммунистическим и крестьянским. Связать их в одно архитектурное целое почтенному президенту СССР не удалось.

Впрочем, из ссылок на Энгельса и даже... Гегеля, растолкованных для калининского разумения секретарем ЦК ВКП Кагановичем, выяснилось неожиданное преимущество капиталистического строя перед ленинским коммунизмом.

Во-первых, оказывается, в капиталистических странах выборы в парламент имеют своей целью борьбу за власть. Выборы же в советы при диктатуре пролетариата **никакого практического значения не имеют.** Ибо вся власть остается неизменно в руках Политбюро, а выборная кампания лишь «пропаганда социалистического строительства в рабочих и крестьянских массах».

Во-вторых, видимо, неожиданно для самого Калинина, в капиталистических странах, например, в Америке, у крестьян на поле все делают машины, а в родной коммуне землю больше ковыряют сохой.

Из этого потрясающего открытия как то — уже совсем в путях неисповедимых — у Калинина выяснилось, что «в капиталистическом мире песенка свободного крестьянина спета», а Политбюро усиленно «сохраняет крестьянство, чтобы перевести всю эту многомиллионнную крестьянскую массу на новые рельсы».

По мнению М. И. Калинина, «мы ведем черезчур крестьянскую политику». А из дальнейшего вытекает, что эта «черезчур крестьянская» политика заключается в том, что от большевистского разорения «середняки и бедняки **бросаются в объятия кулаков,** наших классовых врагов».

Вот на этом месте, от «кулака», Калинин с коммунистического плана благополучно перебирается на план крестьянский...

И тут сказывается, что «черезчур крестьянская» политика власти на самом деле **черезчур некрестьянская.** Оказывается, по сравнению с этой вредной политикой коммунистической власти в деревне, даже кулаки «выполняют те или другие положительные роли в крестьянской жизни». А власть должна у них... учиться.

...«Не только кулака нужно раздеть. Это мы умеем, но для этого абсолютно никакого ума не требуется, потому что такой у нас тут опыт, что люди прямо механически могут это сделать». Нужно уметь хозяйствовать. Вот, восклицает Калинин, настоящая «классовая борьба»: путем организации производства, вытеснить кулака в деревне».

А пока... пока его **не трогать,** ибо кулак производит, ибо кулак нужен бедняку, ибо за кулака сейчас вся деревня встанет.

Видимо, всероссийский староста кое-что понимает в настроениях деревни. Но **всей правды,** которую знает, сказать не может, не смеет. Ибо тогда в коммунистическом плане от него останутся только рожки, да ножки.

А ведь когда-то старый Калинин отлично знал, что **без «правов», без политической свободы деревне не житье.**

обозревателю печати мерещутся одни «мальчики развязные» в глазах, передовик, пытаясь реабилитировать самодержавный период русской истории, говорит *о так называемом* царизме.

Что сие значит? Почему царизм только «называется» так? Или его не было? Или название это звучит не по-русски, изобличает не-русскую природу противников царизма?

Писатели из «Возрождения» могут не знать, что о царизме писал Герцен, — а он ли не любил и не ценил ядреное русское слово!? Они не в праве, не отрекаясь от своих духовных предков, не знать, что о том же царизме, правда, с заглавной буквы из верноподданнических чувств, — писали и Катков и Константин Леонтьев. Или их ухо менее отзывчиво было на русские словообразования, нежели ухо Гукасова с Ренниковым?

В чем же дело? Почему «бывшая царица» сказать нельзя, неприлично и неграмотно, а «так называемый царизм» и прилично, и незазорно, и, главное, соответствует действительности — чтобы не говорить о правде?

**
*

Обличая «русское подполье», неуклюжий, но вместе с тем и юркий, обозреватель ставит ему в пример Европу — трудовика, социалиста и интернационалиста Макдональда, который «в прочувственных выражениях и даже с подъемом» говорил о болезни английского короля Георга 5-го. «Макдональд не перестал быть интернационалистом, но он не перестал быть и вежливым человеком».

Мы не большевики и неевразийцы и потому Европы не гнушаемся. Для нашего оппонента, полагаем, это куда рискованнее, ибо чем же он будет жить, если откажется «питаться» Жоресом, Блюмом, Реноделем и прочими не только русскими, но и европейскими социалистами, составляющими его ежедневное меню и вместе с тем — постоянную статью приходного бюджета?..

В самом деле, чем объяснить терпимое, а иногда и положительное отношение английских социалистов к своему королю и враждебное отношение русского «подполья» — и не только «подполья»! — к своему царю? «Возрождение» не рискует поставить вопрос так, потому что поставить вопрос значит тут же и объяснить, почему вообще существовало «подполье» в России тогда, когда оно давным давно быльем поросло в Бельгии, Англии, Германии и прочих королевствах.

Слов нет — и Бурбоны, и Стюарты, и Габсбурги, и Гогенцоллерны не довели «своих» народов до добра. Много зла причинили английскому народу и первые представители ны-

О том, что забыл Калинин, сами крестьяне хорошо помнят.

«Чему ты нас в прежнее время учил, того мы теперь хотим», — пишет в письме (см. ниже) Калинину один крестьянин, его бывший знакомец и слушатель. Письмо это, тайком по деревням распространяемое и теперь нам присланное, с замечательной простотой и ясностью вскрывает настроения и мысли новой, **мужицкой** интеллигенции, в руках которой будущее России.

Все, кому дороги наши грядущие судьбы, должны всячески распространять это письмо не только в деревнях, но и в городах.

А. Керенский

Из России пишут:

Уклоны „по национальной линии"

(ПИСЬМО ИЗ МОСКВЫ)

БОРЬБА ПРОТИВ «ВЕЛИКОРУССКОГО ШОВИНИЗМА». — «СОЮЗ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ И БУРЖУАЗНЫХ РЕСПУБЛИК». — БЫЛ ЛИ ОКТЯБРЬ «ОШИБКОЙ»? — СТАЛИН, ТОМСКИЙ И «ТРУД».

Октябрьские лозунги вызвали большое развитие споров по национальной линии, чего абсолютно не предвиделось.

Вопрос о кулаках оказалось необходимым рассматривать не только во всесоюзном плане, но и в установке отдельных республик. Качественное различие особенно резко отмечено агитпропами Башкирской и отчасти Татарской республик. Суть их доводов в том, что, если с точки зрения опасности делу социализма русский кулак представляет большую опасность, то кулаки башкирские и татарские не являются элементом опасным. Мало того, в республиках, не вполне вышедших из кочевого быта и первобытного скотоводческого пастушеского хозяйства, кулаков необходимо рассматривать, как элемент прогрессивный, способствующий переходу на высшие ступени хозяйственного развития. Марксизм, говорят сторонники этого мнения, не допускает другой постановки вопроса.

Далее, отдельные республики указывают на практическую невозможность провести в данный момент антикулацкую политику, как вследствие слабой численности пролетарских кадров, так и по недостатку культурной базы. Дело-то в том, что до сих пор местные компартии, с благословения ЦКВКП, допускали и даже проводили в средние и даже высшие школы молодежь буржуазного происхождения. Школа охватывала и продолжает охватывать верхи, так как для слишком отсталых низов практически недоступно даже нисшее образование. Слой местных работников, имеющих образовательную подготовку, почти сплошь принадлежит к кулацким группам по своему происхождению. Если последовательно проводить в этом смысле октябрьский лозунг Сталина и Молотова, то местных людей надо почти поголовно вытеснить и заменить товарищами, хотя и пролетарского происхождения, но пришлыми. Между тем недавние события в Казакстане, вследствие которых значительная часть даже местных членов компартии эмигрировала в Китай, оставили после себя глубокий след. Политика раскулачивания и конфискации имущества у баев проводилась как раз по настоянию пришлых товарищей, имевших к тому же полунемецкие, полуеврейские фамилии. Поэтому лозунг наступления на кулаков вызывает в республиках, учитывающих казакстанский пример, тревогу и опасения.

Обострился вместе с тем и вопрос о националистическом и шовинистическом отклонении в школах отдельных республик от обязательного и предписываемого центральными органами ВКП интернационального направления. Большим успехом в настоящее время пользуется точка зрения, развитая Узбекстанским Наркомпросом. Узбекстанские товарищи, разумеется, не возражают против обязанности интернационального направления в школах. Но, говорят они, это — принцип, практическое выполнение которого в данных исторических условиях крайне затруднительно. Обстановка данного момента, по мнению узбекстанцев, развиваемому даже печатно т. Таджиевым, требует от малых и отсталых народностей «политики шовинизма». «Узбекстанский шовинизм» необходим, как оборонительное оружие против «великодержавного великорусского шовинизма», а, кроме того, он, т. е. узбекский шевинизм, необходим, как «наступательное оружие против национальных меньшинств в пределах Узбекстана». Последняя фраза ясна сама по себе. Но узбекские товарищи застряют ее ссылками на недавний случай со Средне-Азиатским Научным Медицинским Обществом. Член этого общества, д-р Штеллерман, произвел какие-то педагогические наблюдения, на основании которых пришел к выводу, что одаренность русских детей (в смысле предрасположения к умственной работе) в 2-3, а в некоторых случаях даже в 5 раз выше, чем у детей узбеков. Доклад д-ра Штеллермана был опубликован узбекстанским Наркомздравом. А узбекские товарищи-партийцы воспользовались и самим докладом и даже фамилией докладчика для агитации и руссофобского и, в особенности, юдофобского характера.

Эти доводы Узбекстана имеют большой успех не только среди республик с магометанским населением, но и среди других, в част-

---

нешней ганноверской династии. Но то, до чего довела русский народ засидевшаяся на русском престоле романовская династия, — мы можем судить по результатам — неизмеримо хуже. Хуже не только потому, что «достижения» большевизма несравнимы с подлинными достижениями, несмотря на все ужасы, чрез которые прошли английская и французская революции, но и потому, что одно происходило в 17-м и в 18-м веках, а другое — в 20-м, на 260 и 125 лет позднее.

Не будем производить сравнительно-паталогической оценки русской династии и династий в других странах. Все же не надо забывать, что «наша» и в этом отношении дает много очков вперед другим «семьям», ибо не каждая династия выделяла из своей среды сыноубийцу, отцеубийцу, мужеубийцу, — не говоря уже о менее уголовных типах. Ведь о лучшем из Романовых — до наших дней не перестающем встречать признание и обожание (прочтите хотя бы фельетон Кир. Зайцева в только что вышедшем ном. 3 «России и Славянства») — о Николае 1-м было сказано:

«Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, —
Все были ложь в тебе, все признаки пустые:
Ты был не царь, а лицедей!»...

И это писал не какой-нибудь подпольщик или «развязный мальчик»-клеветник, а современник, камергер и цензор Николая 1-го знаменитый поэт Тютчев.

Кто жил в мире и относился вежливо к русским царям? На это отвечает вся история русской интеллигенции и вся история русской литературы! И чем дальше, тем разрыв становится все больше и все резче. И накануне революции русский царь восстановил против себя уже не только разночинных интеллигентов и простой народ, против него пошли министры и архиереи, Государственный Совет и царедворцы, вся царская фамилия!..

Мы не припоминаем подобных случаев в истории падения тронов в Европе. Но мы знаем, что и в Европе далеко не всегда обращались вежливо с королями. И без всяких социалистов и до всякого социализма достаточно невежливо обошлись и с Карлом 1-м в той же Англии, и с Людовиком 16-м во Франции, чтобы не говорить о случаях менее брутального обхождения. Вообще можно установить своего рода социологическую закономерность — *обожание народом монарха обратно пропорционально фактическому осуществлению монархом его монархических прерогатив.* Чем определеннее монарх делает только вид, что царствует, а не управляет на самом деле, не вмешивается в действительный ход государственных

кости, на Украине. В качестве патентованного разлагателя, эту ерунду поддерживает Ларин, за которым следуют предводительствуемые им «сионские мудрецы». Их точка зрения в настоящее время определяется, в общем, так: шовинизм вообще и антисемитизм в особенности должен быть объясняем, как выражение буржуазной и кулацкой идеологии, а потому борьба против правого, выражающего кулацкие влияния, уклона в высшей степени необходима и своевременна; но, поскольку великороссы численно преобладают над всеми остальными народностями и имеют подавляющее преобладание над каждой из них в отдельности, постольку борьба против правых уклонов должна проводиться в порядке известной очереди; в первую голову и со всею беспощадностью ее надо вести в великорусской части РСФСР, и пока здесь кулацкое влияние не вырвано с корнем, во всех остальных национальных республиках **буржуазно-кулацкие элементы должны пользоваться некоторой свободой, так как свойственный этим элементам шовинизм является орудием самозащиты против великорусского шовинизма.**

Эта точка зрения дополняет сталинский курс борьбы против «правых» многими совершенно шовинистическими уклонами. В Казакстане подготовляют поход против русских земледельцев. Или они должны стать киргизами или их будут выкуривать. На Украине «ларинцы» поддерживают план насильственной украинизации пролетариата, т. е. рабочих великороссов, а в Курской и Воронежской губерниях они требуют украинизации «пограничного населения», вошедшего в состав РСФСР. Без этого «национального дополнения», поражающего великорусский шовинизм, борьба против правого уклона, по их мнению, не может дать положительного результата.

Разошлись отдельные республики с центром и в определении понятия «кулак». **Оки настаивают, чтобы кулак определялся в Великороссии более тесно, а в нацреспубликах более широко.** По мнению ларинцев, в Великороссии зажиточность индивидуальных хозяев вредна «делу национального освобождения»; предельное достижение — это вытравить из Великороссии всякую зажиточность, тогда исчезнет и опасность великорусского шовинизма; в национальных же республиках предельное достижение — общая зажиточность индивидуальных хозяйств, так как, чем больше будет зажиточных, тем сильнее выразится защитный национализм.

Против этих новоизобретенных дополнений к ленинизму Рыков выдвинул производственную точку зрения. Он настаивает на том, чтобы «кулака» определить на основании не экономических, а производственных признаков: если есть в хозяйстве постоянные наемные рабочие, значит — «кулак»; если постоянных наемных рабочих нет, значит — не кулак, хотя бы он и был зажиточным хозяином. **Так как Рыков предлагает применять это правило во всесоюзном плане, то ларинцы видят в этом ставку на хозяйственную предприимчивость великороссов и считают Рыкова великорусским шовинистом. У москвичей же, да и не только у москвичей, в связи со всем этим обостряется антисемитизм.** Странно все-таки, надо правду сказать, ведут себя товарищи— евреи. В национальных республиках они возбуждают против себя, как слишком крайние коммунисты, а в Москве, как разлагатели единства СССР и расжигатели центробежных окраинных национализмов.

Теперь о второй части октябрьских лозунгов, об индустриализации. Заострение социалистического момента в этом вопросе использовано национальными республиками в том смысле, что каждая из них стала усиленно требовать развития индустриализации в своих пределах. Первой воспользовалась новым предлогом Белорусская республика. В споре с Червяковым по этому вопросу Рыков выдвинул практические соображения: для индустриализации, включая в нее и развитие машиностроения, требуется целый ряд естественно-исторических и экономических предпосылок, которых Белоруссия лишена, как лишены их республики Горская, Молдавская и т. п. На это со стороны национальных республик последовало возражение, что вопрос об индустриализации требует не практического, а идеологического подхода. Если ЦК ВКП поставил вопрос так, что без индустриализации нет социализма, то все социалистические республики должны быть так же индустриализованы, в противном случае они обрекаются на буржуазное существование. Одно из двух: или мы имеем Союз Социалистических Республик, и тогда каждая республика должна иметь свой индустриализационный бюджет, или мы отказываемся проводить индустриализацию по отдельным государствам, но тогда надо откровенно сказать, что у нас не СССР, а союз социалистических и буржуазных республик. Самое скверное в том, что Сталин вопрос об индустриализации поставил так, что эти выводы из его посылок вытекают сами собою. А практически они означают: «давай ассигнования из союзного бюджета». Из союзного же бюджета даже на Украину нельзя выкроить больше 475 миллионов.

Харьковские «товарищи» начинают вести себя задорно. Даже Петровский, к лойяльности которого в Москве привыкли, стал что-то уж больно ершист. Кроме оплошности Сталина, не расчитавшего, как можно воспользоваться его речами о правом уклоне и индустриализации, **украинцы воспользовались событиями в Румынии. Переход власти к царанистам, получение займа Румынией, все это произвело у нас сильное впечатление. Украинцы не переставая и не без злорадного подчеркивания сообщают, как влияние этих событий из Бессарабии перекатывается на советскую территорию.** В Москве, впрочем, и без подчеркиваний из Харькова, смотрят по направлению к Днестру довольно тревожно. Идут разговоры, что в смысле индустриализации Румыния теперь, пожалуй, нас обгонит.

На сессии ВУЦИК-а румынские новости обсуждались делегатами с мест весьма оживленно. Весть о том, что в Бессарабии теперь (Бессарабией у нас интересуются больше, чем Румынией) власть крестьянской партии, получила у нас волнующее значение. По словам харьковских товарищей, на съезде было много разговоров об этом, особенно среди подольских, херсонских и одесских делегатов, причем делегаты говорили больше, чем пока можно сказать на основании фактов, в том смысле, что за Днестром теперь власть крестьян и в союзе с крестьянами идут рабочие, а у нас....

Выходило так, если верить харьковским рассказам, что во всем виновата Москва: она попутала в 1917 г., она и теперь мешает. Впрочем, почему же этому не верить, если в самой Москве говорят тоже самое? Только здесь у нас обвиняют не Москву, а «старую ленинскую гвардию». Не только обыватели, но и партийный молодняк рассуждает так же. Он давно недоволен старой гвардией. А под влиянием последних, в настоящее время уже совершенно очевидных, ошибок, все более и более усиливается ревизионное отношение к октябрьскому перевороту 1917 года. Этот переворот

дел, тем отчетливее проступает чувство уважения и даже преклонения перед *таким* монархом и человеком.

Были ли когда-нибудь нечто подобное в России с русскими монархами?

В отрицательном ответе на этот вопрос лежит объяснение и того обстоятельства, что после изжитого опыта даже монархисты на берегах Темзы или Дуная заявляют себя республиканцами для Невы и Москвы-реки. Чтоб быть убедительным даже для ничему ненаучившихся в Европе писателей из «Возрождения», приведу свидетельство З. Н. Гиппиус, формально как будто бы еще остающейся сотрудницей «Возрождения»*).

Как и многие, З. Гиппиус сейчас больше интересуется не Англией, а славянской, «родственной по крови и вере» Сербией. И вот не у Гукасова в Париже, а у Философова в Варшаве З. Н. Гиппиус пишет: «В России, да еще сейчас, монархия по типу сербской — невозможна. *Быть* только может «русская» — или никакая. Мне уже пришлось говорить об этом подробно в заседании русского Научного Института в Белграде и объяснять, почему мы, русские, если мы не злостные мечтатели, вроде Марковых 2-х, и не соблазненные мечтатели невиновные, — мы должны быть *республиканцами*».

Это говорит не «скорбноглавый тупица из подполья», а виднейший сотрудник «Возрождения»! Что думают по этому поводу сидящие в том же «Возрождении» Иваны Непомнящие — непомнящие своей истории и легкомысленно перевирающие историю чужих народов?

3. Политическая мораль

Что безответственное увлечение монархами, своими и чужими, не столь невинно, а чревато для нашего отечества политическими последствиями, можно видеть на примере «Борьбы за Россию», — не столь уже далекой по составу своих сотрудников от «Возрождения».

«Борьбе за Россию» удалось, что называется, за руку поймать большевистского писца Заславского на том, как он, цитируя статью зарубежного органа об екатеринодарском студенческом процессе, подставил с целью подлога на место России просто — Россию *царскую*. «Борьба за Россию» с полным моральным и политическим основанием возмутилась.

---

*) В номере от 12 декабря «За Свободу» к помещенной статье З. Н. Гиппиус предпослано автором следующее заявление:

«Эту статью, предназначенную для «Возрождения», газета не поместила, не объясняя даже причин, почему нарушено условие: печатать **все** мои статьи, как написанные с точки зрения, вполне приемлемой для редакции. Приходится думать, что в самой линии газеты произошли какие-то перемены, но какие именно? Это покрыто тайной».

молодежь склонна оценивать, как ошибку старой гвардии, как упорство упрямых людей, нежелающих сознаться в своей ошибке.

Говорят, что настроение молодежи обсуждалось на очередном заседании Политбюро после ноябрьского пленума ЦК. Томский, будто бы, поставил вопрос ребром. **Одно из двух: или мы должны какую-то долю в самокритике со стороны молодняка признать, или обязаны всю эту самокритику начисто отвергнуть. Он потребовал «точной директивы», допускает ли «партия» мысль о какой-либо ошибке, совершенной во время октябрьского переворота 1917-го года.** Сталин ответил, что такая мысль совершенно «партией» не допускается так как, допуская ее, мы сделали бы уступку международной буржуазии, которая именно того и требует от нас, чтобы мы признали октябрь и лозунги октября ошибкой. Томский сказал на это: «слушаюсь». А вернувшись с заседания, вызвал Ялцма и объявил ему, что «партия» требует неуклонной преданности лозунгам октября 1917 года и потому впредь «Труд», как орган ВЦСПС, обязан вернуться к пропаганде положений военного коммунизма, так как только они соответствуют лозунгам октябрьского переворота.

Передаю этот городской слух для характеристики нынешних наших настроений.

II. Антисемитизм среди шахтеров

Безусловная ошибка нашего правительства назначать на милицейские должности евреев. Конечно, стараются приучать к этому рабочих, но рабочие не приучаются, раздражение между ними большое. В Константиновке через это только что случился целый скандал. Рабочие милицию разгромили, и принуждены были милицейские спасаться бегством.

Ошибка также назначать евреев в шахты. Шахтер на поверхности земли может ни в Бога, ни в черта не верить, но под землею, в забоях, дело другое. Под землею «шахтовой» все равно, что в деревенской избе домовой, или в глухом бору лесовик. У рабочего под землею на все приметы и суеверия, ебщее есть убеждение, что шахтовой евреев не любит, и духа ихнего не выносит. Вот почему рабочие евреев в шахты не пускают, а если кто, наперекор товарищеским убеждениям, все-таки туда спускается, того выгоняют. Делается это из суеверного страха, чтобы шахтовой не рассердился и не причинил всем вреда. Пока такое суеверие существует, мой взгляд, нельзя людям насильно навязывать то, чего они не хотят.

Антисемитизма среди наших рабочих, смело это скажу, нет. Но все говорят так: мы против евреев ничего не имеем, но пусть их нам на голову не сажают. И еще у нас среди рабочих есть такой взгляд: считается, что хорошие люди среди евреев либо по тюрьмам сидят, либо в ссылках, либо высланы, либо сами из России сбежали, либо пропадают и с голоду пухнут. Если же кому власти покровительствуют, то, значит, это те евреи, которые и от своей веры и от своего народа отреклись. Таких у нас, действительно, не любят и во многих местах с ними теперь очень нехорошо и даже жестоко поступают. (Донецкий бассейн).

Задумайтесь на минуту, *для чего* это нужно было такому деловому человеку, как Заславский, и *почему* этот «случай» неустанно практикуется большевистской печатью вот уже 11-й год, — и вы получите ответ, *кому на руку* все эти детские игры в короли, кто *прямым образом заинтересован* в том, чтобы молебны и панихиды по случаю кончины и тезоименитства живущих и почивших, царствующих и отцарствовавших особ множились бы, не переставая и выигрывая в помпе и резонансе?!.

Может быть тогда и те, кто пишет у Гукасова, поймут то, что уже поняли их единомышленники из «Борьбы за Россию», поймут простую в конце концов истину — *славословие монархии, даже не в будущем, а только в прошлом, полезно не России; оно выгодно только большевикам.* Что большевики делают в порядке подлога, «наши заграницей» продолжают делать в порядке неразумия, граничащего с преступностью.

Современник.

ОТ КОНТОРЫ «ДНЕЙ»

КОНТОРА «ДНЕЙ» ПРОСИТ ПОДПИСЧИКОВ, НЕВНЕСШИХ СВОЕВРЕМЕННО ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ, ОЗАБОТИТЬСЯ СКОРЕЙШИМ ЕЕ ВНЕСЕНИЕМ, ДАБЫ ИЗБЕЖАТЬ ПЕРЕРЫВА В ПОЛУЧЕНИИ ЖУРНАЛА.

Письмо крестьянина Калинину

Ниже напечатанное письмо распространяется по деревням в рукописных копиях.

До нас дошел один из таких списков, ходивший по рукам в Смоленской губернии, разумеется без ведома и какого бы то ни было участия автора, который, сколько можно понять, крестьянствует в Тверской губернии.

***

Михаил Иванович,

Хотя твои бывшие односельчане рассказывают о тебе много неладного, но я этому не придаю значения. И моему мужицкому сердцу очень приятно, что вот ты, такой же мужик, как и я, и тоже без семи пядей во лбу и с неба звезд не хватаешь. Однако, ездишь в царском вагоне, сидишь на высоком месте и называешься всероссийским старостой.

Я так понимаю, что давно надо было нашему мужицкому уму к высоким государственным местам дорогу дать. Россия бы наша не скапустилась, кабы во время дорога была открыта. Но прошлое вспоминать нечего. А что теперь тебя превознесли, то хорошо. И то не беда, если твоя голова, не в обиду тебе будь написано, не из шибко острых. Была бы дорога проложена, а среди мужиков впоследствии на твое место и поострей люди найдутся. И раз советская власть признает, что на высоком месте должен быть наш мужицкий разум, я ничего против такой власти не имею. Так сам думаю, так и всем говорю: поправки, конечно, требуются, но фундамент хороший.

Против налогов и повинностей не возражаю. Государство без них не стоит. Об отдельных непорядках рассуждаю так, что в большом хозяйстве не все бывает гладко, и не всяко лыко надо в строку. Объясняю тебе это, чтобы ты понимал, что не белогвардеец какой-нибудь тебе пишет, а приверженный советский власти такой же мужик, как и ты. А теперь, друг, коснемся главного.

Помню я, как ты приезжал к нам еще во время царской власти. И речи твои тогдашние помню.

Ты говорил нам тогда, до чего лучше нас живут крестьяне в иностранных государствах, и как все нужные по крестьянству изделия, товары и орудия дешевле и доступнее, чем в нашей России. И оттого так *в иностранных государствах все лучше, говорил ты нам тогда, что у них там свобода, а у нас все хуже, потому нашему народу царь не дает свободу.* Правильные, *золотые те были твои слова.* Видишь: вот до сих пор я их помню. Да и ты, не думаю, чтобы вовсе их забыл.

Царя теперь нет. Свергли его за то, что не давал нам свободу. На месте, если не самого царя, то самых первых министров, сидишь ты. И я у тебя спрашиваю: доступнее ли, дешевле ли прежнего стали нужные по крестьянству товары и орудия? *Нет, в четыре дорога они теперь, а часто их совсем нет. А почему? Да, потому, что ты отнял у народа и ту малую свободу, которую даже царь допускал.*

Что у нас теперь в деревне делается? От хулиганов прохода нет. Пять пьяниц на все село, но от этих пяти пьяниц, безобразников и просто разбойников целое село воет. *Исправные же хозяева всякого просвета лишены.* Я вполне одобряю содействие советской власти бедноте. Верно, друг, беднякам в деревне непременно надо помогать. Чем меньше у нас будет бедноты, тем каждому человеку и всякому селу, и целому государству станет лучше. Обязательно следует бедным помогать. Но какая же у нас теперь помощь? Чуть мало-мальски человек выбился из крайней нищеты, не доедая, во всем себе отказывая, *завел вторую лошадь, сейчас же хлоп: переписывают бедняка в кулаки, его детей предписывают вышвырнуть из школы, а самого его разоряют в лоск поборами.*

Что же выходит? А то выходит, что пьяницам и разбойникам дана свобода, какой они и при царе не имели, а у честных людей отнята даже свобода трудиться на государственной земле. Земля ведь государственная теперь. У тебя много служащих, прикажи им сосчитать, какой убыток причиняется государству от одного того, что ты и твоя партия не позволяете нам, крестьянам, обрабатывать государственную землю со всем нашим усердием к труду.

Как ты в былое время, так и теперь к нам приезжают агрономы из земельного отдела. За свое казенное жалование они объясняют нам, как надо вместо трехполья разбивать землю на 5-6 полей, сеять фуражные травы и корнеплоды. Разумные их речи. И мы агрономов так же за это благодарим, как благодарны были тебе, когда ты нам объяснял, для чего нам нужны свободы. Но *для чего, скажи на милость, станем мы заводить корнеплоды и посевы трав, если у нас отнята возможность умножать число лошадей, коров и свиней?!.* Да и как же я могу разбить землю на 5-6 полей, ежели за вторую лошадь меня в кулаки записывают?! А с одной лошадью правильно, как агрономы говорят, хозяйство ставить нельзя. Для чего же в таком случае к нам агрономы приезжают? И зачем жалование им платится? На мой взгляд, если крестьянству ты запрещаешь усердно трудиться, то в агрономах наше государство не нуждается. Ковырять землю кое-как, не имея скота, мы и без агрономов можем.

В прошлом году полотняная фабрика у нас побольше 3 месяцев стояла, потому что льна не было. В этом году тоже, видать, остановится по той же причине. А между тем лен у крестьян есть. Но только, вместо того, чтобы сдать его в обработку машинами, мы тратим свои нужные для земледелия силы на то, чтобы прясть, да ткать. Нам, крестьянам, от такой граты сил наших чистый убыток. Рабочим на фабрике убыток. Государству убыток. А почему?

Да потому, что ты и твоя партия ладите взять у нас лен втридешева, а ткань нам продать вчетыредорога. И выходит так, что ты нам на земле работать по настоящему запрещаешь, а на этом малом, что мы все-таки вырабатываем, норовят нас надуть хуже самых последних обирал-скупщиков. *А чтобы мы не могли этому сообща, организованно, как ты сам когда-то нас учил, сопротивляться, ты и твоя партия не допускаете ни свободы устного слова, ни свободы печатного слова.* Для тех, кто верует (сам я неверующий и попов не люблю), остается только Богу на тебя и на твою партию жаловаться. Так вы и тут чекистов поставили, норовите у народа и свободу молитвы отнять. Не даром, видно, в деревнях говорят, что твоя партия хоть и прикидывается безбожной, но Бога и суда Божьего боится, как черти ладана.

Пишете вы еще в ваших противных народу газетах про индустриализацию. Я думаю, это правильно. Страна наша всеми благами награждена. И пора нам самим наше добро обрабатывать, а не за границу возить. Мысль эту вполне одобряю. Но вспомни, не ты ли сам говорил нам, почему даже цари отменили крепостное право. И крепостное право отменили, а потом и Государственную Думу допустили потому, что без этого невозможно было развитие промышленности. Твои это были слова. И говорил ты нам еще, почему даже буржуазия в иностранных государствах воевала за свободу, так как *без свободы не могло быть процветания фабрик и заводов.* Ты нам сказал тогда, в каких книжках об этом напечатано. Мы те книжки достали, купили, прочитали и по сию пору благодарим тебя, что ты нам это очень хорошо объяснил.

Но что же теперь ты и твоя партия делаете? Связываете силу народную лише, чем при крепостном праве. Да что при крепостном праве ?При татарском иге такого хаяны не затевали, что вы теперь замышляете. Для чего же ты о развитии фабрик и заводов все таки говоришь? Тогда, в прежнее время, ты нам говорил правду. Теперь, явное дело, обманываешь. Скажи, друг, по совести — ведь есть же еще у тебя совесть: кого ты теперь обмануть хочешь?

Если ты нас, деревенских людей, хочешь обмануть, то напрасно стараешься. *Чего стоят все ваши разговоры о промышленности, когда дети по деревням принуждены без азбучек грамоте учиться?* Азбучек вы не умеете народу сколько нужно предоставить, как же возможно от вас машины ждать? Как прежде ты из деревни на завод работать уходил, так и теперь многие уходят. И знаем мы от них, что делается. Всем известно, что во всех странах домны существуют. А у нас теперь домны уголь жрут, а чугуна не дают, только руду портят. На мартенах из пяти вещей только одна в дело годится. В механические машины то гвозди бросают, то куперосом ее обольют. И вполне мы, можно сказать, поняли, почему у нас теперь все изделия такие. Дашь кузнецу кусок старого железа, сделает он тебе лемех, и хоть тяжела и плоха соха в работе, а все-таки она в хозяйстве служит. Купишь плуг, заплатишь за него 25 рублей, хоть стоил он прежде 8 рублей, а правильная ему цена была бы 5-6 рублей. Но что от него пользы в хозяйстве, от вашего нынешнего плуга? Не служит он делу, рассыпается и ломается. Надо его, не работая им, сначала кузнецу дать на переделку и поправку, а когда кузнец заводскую работу своим ручным способом исправит, тогда плуг может служить. А почему?

Да потому, что до кузнеца деревенского руки твои и твоей партии не добрались, не вовсе лишняли его свободы, а рабочего вы скрутили. А еще потому, что мы с кузнецом друг друга не обманываем. Ты же рабочих норовишь обмануть. А рабочие прикидываются дурачками и норовят тебя обманывать. *Идет у вас на заводах сплошной обман, и такие получаются изделия.*

Ты нам в прежние годы правильно объяснял, что для труда нужна свобода. Но еще, это уж я скажу тебе, *труд честность любит.* Человека можно обмануть. Но землю, по руду, машину или хотя бы простой инструмент не обманешь. Если честно с ними обращаешься, они тебе честно и дают. Как топор наточишь, так он и рубит. Как поле вспашешь, так оно и зерно принимает. В том и беда, что ты и твоя партия хотите землю обмануть. Но земля требует честности, и она вас, обманщиков, не принимает.

В чем суть вашей политики, как мы, мужики, ее понимаем? Вы стараетесь подслушать наши мысли и говорить слова, с которыми мы вполне согласны. Это и есть то, что в советской власти я считаю правильным. *Но подслушиваете вы только для слов, поступаете же наоборот. Вот отсюда и проистекает мучение народа и ваша неминуемая гибель. Погибнешь ты с твоей партией, как и царь погиб.*

Свет не нами начался, не нами и кончится. Наши с тобою годы не малые, ты по деревенскому счету уже дед. А я годов на пяток тебя постарше. Срок жизни человеческой мы кончаем. Пора нам, друг, итог дел своих подвести. Будет ли Божий суд за гробом, не знаю. Но от суда человеческого мы не уйдем. И все таки о человеческом суде я не бесспокоюсь. Ты на высокое место вознесен, и над тобою суд будет тяжелый и долгий. Отдаленные потомки будут ведь говорить жил мужик Калинин, был он для русского народа обманщик, изменник и предатель. Еще в твоей власти и силе этот приговор тебе изменить. Чего бояться? Царской власти ты не боялся, когда приходил к нам правку сказать, а теперь боишься должность свою потерять и почестей лишиться. Нынче тебе еще дан срок от обмана отречься и к правде повернуть. Завтра, кто знает, может у тебя срок отнимется и лишишься ты всякого способа иметь на загробном человеческом суде какое-либо оправдание себе.

Дружески, как человек, человеку, пишу тебе: подумай об этом.

К ЧИТАТЕЛЯМ, ЖИВУЩИМ В РОССИИ

ПРОНИКНОВЕНИЕ ЖУРНАЛА В РОССИЮ СОПРЯЖЕНО С ГРОМАДНЫМИ ЗАТРУДНЕНИЯМИ, Т. К. ПОЛИТБЮРО И ГПУ БОЯТСЯ СВОБОДНОГО СЛОВА. — ПО ПРОЧТЕНИИ НЕ УНИЧТОЖАЙТЕ, А СТАРАЙТЕСЬ ПЕРЕДАВАТЬ ВАШИМ ДРУЗЬЯМ

Материализм не побеждает

«Не надо забывать, — читаем мы в одном из циркуляров агитпропа ЦК ВКП, — что церковь — единственная у нас форма легализованной реакции». Из содержания же этого циркуляра оказывается, что под «реакцией» в данном случае надо разуметь открытое непризнание обязательного по учению Ленина материализма, а под «церковью» все организации, возникающие на основе религиозного понимания природы и общественных связей; в «церковный разряд», согласно циркулярам агитпропа, надо отнести не только православных, католиков, протестантов, иудеев, магометан, но и евангелистов, баптистов, адвентистов, чуриковцев, новоизраильцев, иоаннитов, меннонитов и т. д. Причем сама компартия не может установить одинаково боевого отношения к этим организованным противникам ленинизма: она ведет, например, весьма «жесткую политику» относительно той группы православных церковников, которая называется «тихоновцами», и должна, чтобы не возбуждать общественного мнения Германии, предоставлять разные «законные льготы» немцам-меннонитам...

Многочисленные виды религиозных воззрений отнесены в разряд «легально организованных» противников ленинского материализма. Против них неустанно ведется борьба. Но каковы ее результаты?

По подсчетам «Революции и Культуры», одними только сектантами в различные юношеские организации («бапсомол» у баптистов, «менсомол» у меннонитов, и т. п.) втянуто *два миллиона молодежи*. Если прибавить к этому «христомол» основных христианских церквей, организации молодежи вокруг синагог и мечетей, то получится цифра, во много раз превышающая численность комсомола. *Местами до 90 процентов* общего количества молодежи входит в юношеские религиозные организации. И при том, кто входит в эти организации, те твердо держатся религиозного мировоззрения. О комсомольцах же коммунистическая печать говорит, что значительная часть их в материализме не тверда, — явно или тайно комсомольцы «придерживаются религии». Огромное количественное преобладание достигнуто «религиозниками» не только в крестьянских районах. Даже в исключительно пролетарском *Иваново-Вознесенске при подсчете оказалось 660 религиозных общин*, и на эту многотысячную массу всего 200 организованных ленинских безбожников, да и среди этой ничтожной кучки безбожников «большая часть только платит членские взносы» и от пропаганды безбожия воздерживается, тогда как «религиозники» «ведут усиленную агитацию даже в мастерских и цехах».

Есть и «утешительные», на первый взгляд, цифры: так, например, «по некоторым данным, за время революции 43.000 служителей церкви сняли с себя духовный сан». Но более внимательное изучение обнаружило, что даже среди православных, наиболее гонимых властью и страдающих от внутренних брожений, общая численность духовенства возрастает. На смену отпавших и изъятых мерами ГПУ приходят «бывшие офицеры», «бывшие чиновники», «бывшие земцы», приходит и новая поросль рабоче-крестьянской молодежи. Во всяком случае, — горестно пишет «Коммунистическая Революция» — «мы имеем пополнение церковного актива».

Есть другая, тоже как-будто «утешительная» цифра закрытых и закрываемых церквей. Но «более внимательный подход» и тут обнаруживает большие неясности. Оказывается, в некоторых случаях «отцы-церковники» сами помогают переделывать церкви и часовни в избы-читальни. (Это наблюдалось, между прочим, в Нижегородской губернии). Дело в том, что прежние храмы стали рассматриваться, как доходная статья компартии, и за пользование ими, с разрешения парткома, верующие должны платить аренду. И решение или согласие закрыть церковь далеко не всегда имеет смысл отказа от религии; часто это равносильно своеобразной *забастовке*, протесту против фактического превращения домов молитвы в источники доходов коммунистической власти. А сверх того, если много домов молитвы закрыто, то много и вновь построено и существует не в качестве «национализированных» имуществ.

Если верить жалобам большевистской прессы, «религиозники» выиграли и продолжают выигрывать количества. Жалуется агитпроп и на выигрыш ими *качества*.

«В Ленинграде, Москве, Харькове, Минске и ряде других мест имеются специальные духовные учебные заведения, пока что, повидимому, особой нужды в учебниках не испытывающие... В Ленинграде этих учебных заведений целых пять. В программу их обучения входят иностранные языки, дисциплины об этике христианской и социалистической. В публичных библиотеках они изучают теоретиков социализма, начиная с утопистов и до Ленина... Устраивают у себя примерные диспуты с безбожниками... Нам кажется, что после всего этого ничего нет удивительного в постановлении епархиального съезда Тульской губернии, обязывающего духовенство изучать Маркса, и в том факте, что попы покупают нашу современную литературу. Враг переподготовляется . С этим новым вооружением церковь направляется в рабочие массы». («Коммунистическая Революция»).

А каким успехом «враг» пользуется среди рабочих масс, можно судить, например, по следующему сообщению коммунистического агитатора из Парахинской бумажной фабрики (две тысячи пятьсот рабочих) при ст. Акуловка (между Петербургом и Москвой).:

«Не только сектанты, но и церковники, начинают самый основательный поход... Парахинский священник — человек ученый, начитанный... окончил заочные кооперативные курсы и даже выписывает лекции коммунистического университета на дому. С парахинским попом не решаются вступить в словесное единоборство не только доморощенные фабричные безбожники, но даже и окружные религиозники »(«Труд»).

Прекрасно вооруженный «врат» сплотил 2.000 рабочих Парахинской фабрики, увлек их жен и матерей, создал какую-то кассу взаимопомощи, собрал 8.000 рублей на постройку новой церкви... И диктаторская власть не знает, что делать: против 2.000 рабочих (не считая членов семей), сплоченных «учеными начитанными церковниками», она имеет на фабрике «едва ли полтора десятка безбожников, и притом малограмотных»...

Казалось бы, из затруднения выйти очень просто. Если «враг» вооружается для защиты и нападения литературой агитпропа, то агитпропу ничего не стоит вооружиться «вражеской» богословской литературой и развить контр-атаку. Но именно это простое решение и обнаруживает силу противника. Оказывается, «религиозники» совершенно безбоязненно берут и Маркса, и Энгельса, и Ленина, и Бухарина, и Покровского, — от этого не перестают быть антирелигиозниками, наоборот, даже укрепляют в себе веру. На коммунистов же — и, особенно, на молодых — всякое «идеалистическое учение» действует ужасно: *оно разрушает веру в ленинский материализм* и отрывает от вождей... Произошла многозначительная перемена позиций. Когда православие находилось под властью синодального обер-прокурора, «церковь» не могла допустить, например, преподавания социологии в духовных школах (это разрушало синодские построения), но ничего не приобретала от того, что интеллигенция в некоторых случаях считала нужным основательно знакомиться со священным и церковным писанием и богословскими науками (наоборот, от этого тогдашняя церковная власть имела для себя лишь вред). Теперь церковные люди могут изучать какие угодно «измы», церкви идет это на пользу; компартия же заняла место синодальной обер-прокуратуры: всякое неодобренное ею не только учение, но и простое мнение, для нее опасно и вредно.

Это, значит, очевидно, что напряженная война против религии уже в смысле идейном *проиграна*. Компартия может применять насилие, ссылать, гноить в тюрьмах, расстреливать «религиозников». Но у нее нет доводов убеждения. В этой войне ее собственная литература поражает не противника, а самое компартию.

Не менее убедительно складываются события «на религиозном фронте» в тех случаях, когда стычки происходят по

практическим поводам. Компартия усиленно проповедует колхозы, бросает на это дело большие средства, но пока не может похвастать сколько-нибудь прочными достижениями. *А вот «религиозники» по собственному почину и без пособий от казны заводят сельско-хозяйственные общины;* идет большое движение в эту сторону; на одном только Северном Кавказе земледельческие — религиозные — общины насчитывают несколько десятков тысяч крестьян. У религиозников (по преимуществу, сектантов) дело идет, повидимому, так же, как прежде оно шло в общинах духоборов, молокан, новых израильтян и т. п.

В сельско-хозяйственных коммунах, заведенных коммунистами и комсомольцами, удачи, судя по советской прессе, редки. Но той же самой прессе пришлось изумляться успехам, достигнутым в коммунах Тверской губернии, которые были созданы разогнанными из монастырей монахами и монахинями. Эти религиозные коммуны возникли на самых неудобных землях, они не имели каких-либо пособий, и тем не менее даже придирчивые партийные ревизоры должны были признать, что хозяйство у монахов и монашек поставлено прекрасно, хотя «идеологически это вредно».

Много шума поднято коммунистами по вопросу о подготовке квалифицированной рабочей силы. Вопрос этот до сих пор считается «больным» и «трудно-разрешимым.» А вот «религиозники» съумели подойти к нему просто. Оказывается, и в Москве, и под Москвой (Мытищи, Перово), и на Украине (Днепропетровск), и в Сибири (Новосибирск), и во многих других районах общины верующих *одной из своих целей ставят взаимное обучение фабрично-заводским производствам:* работающие обучают начальным приемам работы только-что поступивших на завод, обучают в самом производстве старые рабочие, а о пополнении знаний у всех вообще единоверцев заботятся те, кто уже достиг звания мастера... Повидимому, особенно хорошо дело это поставлено у баптистов. Религиозникам коммунистическая пресса ставит в вину лишь то, что они обучают только «своих», верующих. Но это лишь значит, что желающие воспользоваться благами взаимного и притом организованного обучения ремеслу имеют даже практическое, житейское побуждение вступать в религиозные общины.

И с другой стороны, «религиозники» *подошли к вопросу о борьбе с безработицей* и взаимному обучению ремеслам: организуют кустарные артели.

Много пропагандистских сил и средств компартия потратила на так называемые комкрестномы (комитеты крестьянской взаимопомощи). Тёперь об этих организациях даже не упоминается в советской прессе: они, видимо, забыты. Зато *тревожно упоминается о развитии взаимопомощи «религиозниками»:* у них это дело не затихает, и «новый (?) лозунг церковников», призывающий всех верующих помогать всем бедным, к какой бы вероисповедной группе они ни принадлежали, советские газеты считают «хитрой выдумкой кулаков», желающих сорвать «смычку партии с беднотой». [1]).

Очень поучительно столкновение между безбожниками, с одной стороны, рабочими и фабзавкомом, с другой, на кузнецкой (Саратовской губ.) фабрике «Красный Октябрь». Здесь обнаружилось, что на работу принимаются охотнее всего верующие. Одного из уличенных в этом мастера взяли на допрос. Он ответил: *принимаю охотнее верующих, потому что они лучше работают и прилежнее учатся работе.* Против этой точки зрения не возражал фабричный комитет. Согласились с нею и рабочие: они тоже вполне согласны с тем, что верующие работают прилежнее и лучше «безбожников».

Не будем углубляться в обследование, почему это происходит в нынешних советских условиях. Но явление само по себе тем более интересно, что оно замечается во многих местах. И оно до некоторой степени объясняет странный, на первый взгляд, перелом в «борьбе против Бога». Центр приказывает и настаивает усилить борьбу. На фабриках и заводах даже коммунисты, заинтересованные в успешности производства, отписываются, не дают безбожникам средств на агитацию, или даже не допускает безбожных резкостей, чтобы не раздражать подавляющее большинство рабочих, так как оно состоит из верующих.

То же самое замечается и в деревнях. Так, например, земорганы склонны защищать тех верующих «коммунаров» и «колхозников», у которых хорошо идет хозяйство.

Этой своеобразной «смычкой» между лучшими на местах рабочими силами и представителями власти, желающими добиться усиления хозяйственных результатов, до некоторой степени можно объяснить и «хорошие отношения» «религиозников» к некоторым партийцам. Недавно немалый скандал в официальных кругах был вызван списком кандидатов, выдвинутых церковниками Красного Яра (Астраханской губ.) для избрания в совет: в этот список оказались включенными некоторые местные коммунисты и комсомольцы. Поскольку среди самих коммунистов и комсомольцев заметно растет признание, что религия полезна в смысле повышения трудовых качеств, такого рода скромные, на первый взгляд, случаи вполне понятны.

Вл. Игнатовский

[1]) См. в прошлом номере «Дней» письмо «Голос бедняка».

Батраки о совхозах

Парадная часть только что законченного в Москве съезда батраков была такая же, как и на всех других советских съездах. Выступали в качестве батраков те же деятели, без которых не обходится ни одна ярмарка: конечно, Томский, Крупская, Луначарский, Ем. Ярославский, Калинин... Сверх того, еще Зиновьев... Батрак Зиновьев избран даже в ЦК союза батраков и вошел в число тех чиновников, которым поручено «перейти с производства на профсоюзную работу» и которым присвоено содержание из сумм, образуемых членскими взносами за счет батрацкого заработка.

Словом, все происходило по шаблону. Но несовсем шаблонно вели себя «низовые» участники съезда. Они не молчали — говорили. И так как значительная часть действительных батраков работает в совхозах, то и говорили они с особенным знанием дела и с особенной, надо добавить, горечью — об этом «социалистическом участке сельского хозяйства». Хотя начальство и приказало считать совхозы «высшим достижением в области земледелия», но по единодушному отзыву батраков, единственное, что достигнуто в совхозах, это *«безалаберность и бесхозяйственность».* Штаты совхозов сильно раздуты, часто совхозной продукции едва хватает, чтоб прокормить армию рабочих и служащих. «Многие совхозы убыточны и являются собесовскими предприятиями». Государство от них ничего не получает, и они *предоставляются на прокормление оскандалившимся* на других служебных поприщах коммунистам.

Снабжение совхозов тракторами и усовершенствованными машинами *не* способствует улучшению хозяйства: «В некоторых случаях в силу безалаберности применение механизированной тяги дает обратные результаты»... «Раньше обработка одного гектара земли обходилась около 20 руб., а теперь, с введением большего количества машин, около 26 р.», — не считая погашения стоимости тракторов, которые иногда не выдерживают и одного сезона, или после нескольких дней работы требуют основательной починки.

Рассказы о том, будто совхозы дают более высокий урожай и служат поучительным примером для крестьян, совершенно *не соответствует действительности.* «Во многих совхозах урожай ниже чем у крестьян». И это не только в старых имениях. «В хлопковых совхозах Узбекистана с одного гектара посева собирают 60 пуд. хлопка, а окрестные крестьяне получают с гектара 250 пуд...! Могут ли подобные советские хозяйства служить примером для крестьянства?».

В советской печати большой шум по поводу новых, так называемых «номерных совхозов», которые призваны стать

«зерновыми фабриками». По мнению же батраков, надежды возлагаемые компартией на эти «номерные совхозы» едва ли на чем-либо основаны. Единственное различие в том, что старые совхозы «многокультурны» (т.-е. от них требуется и полеводство, и животноводство, и огородничество, и садоводство, и птицеводство), а новые совхозы расчитываются на однокультурность (посевы только зерновых злаков). В остальном же на новых совхозах такая же казенщина и безалаберность, как и на старых.

Надежды на то, что на новых номерных совхозах можно обойтись одними машинами, без рабочего скота, также не имеют видимого основания:

«Совхоз ном. 1 (на Урале) получил старые и совершенно разбитые машины: часть без колес, часть на деревянных колесах. Были случаи, когда машины стояли по 3 дня из-за отсутствия запасных частей»... «В снабжении продуктами (рабочих) и топливом (для машин) также много ненормальностей», — машины (даже исправные) нередко стоят, так как своевременно не доставляется горючее.

Делегатскими речами вскрыта и основная ошибка всех расчетов на совхозы. Работа в совхозах строится на тех же правилах, как и на заводах: обязателен «кодекс труда», 8-часовой рабочий день, повышенная плата за сверхурочные часы, доставка «прозодежды», предоставление рабочим жилищ и пищи не ниже обусловленного правилами и договорами качества. При такой постановке совхозы, если даже работы в них будут организованы очень совершенно, не могут давать дешевые продукты. Себестоимость продуктов в совхозах должна быть выше, чем в имениях, например, Германии и Франции. Между тем партия берет в совхозах продукты по таким ценам, которые не покрывают производственных расходов даже русского крестьянского хозяйства, где члены семьи работают по 18-20 часов в сутки, ходят в отрепьях и босиком («прозодежды» не полагается) и питаются почти круглый год одной картошкой, допуская малое количество жиров и мяса лишь по праздникам. *Между «социалистическим кодексом труда» и «советскими лимитными ценами» на сельско-хозяйственные продукты существует непримиримое противоречие.* В эту трещину и утекают все средства, предоставляемые совхозам, вернее, утекали бы даже в том случае, если бы партия могла наладить работу в советских хозяйствах безукоризненно. Но она этого не может сделать, трудового порядка в совхозах гораздо меньше, чем на московских фабриках и заводах, где, по признанию самих коммунистов, много безалаберности и головотяпства. Не мудрено поэтому, что бросать средства в совхозы значит лить воду в дырявую бочку. *Возможность производственного успеха или хотя бы только безубыточности здесь исключается.*

Если до сих пор совхозы кое-как существуют и не окончательно рухнули, то потому, что у них есть источники, кроме бесконечных ассигновок правительства. Источники эти трояко-го рода.

Во-первых, они проедают основной капитал, оставшийся от прежних владельцев в земле и постройках. В настоящее время капитал этот почти полностью истощен: постройки разрушены, земля (во многих местах она «не видела» удобрений с 1918 г.) вышахана.

Во-вторых, совхозы стараются выжимать неправильно и незаконно в свою пользу доходы с окрестных крестьян — мерами насилия отчуждают часть доходов соседнего крестьянского хозяйства.

В третьих, совхозы самым непозволительным образом эксплоатируют рабочих. «Кодекс Труда» существует лишь на бумаге. Практически от него остается лишь «восьмичасовая норма», да и то потому, что плата за рабочие часы лишь записывается. Платить батракам заработанное совхозы не могут. Плата задерживается месяцами. Батраки насильственно превращены в кредиторов. На заработанные ими суммы «совхоз оборачивается», производит вспашки, посевы, уборку; платит, когда образуются кое-какие «свободные средства» кое-кому, кое-что и кое-как.

«Помещения для батраков в совхозах хуже, чем у крестьян конюшни и хлевы». Производственная одежда не достается. Единственное, что они выполняют, это требование относительно «ленинских красных уголков». По теперешним правилам, «ленинский угол» является как бы часовней или молитвенным помещением: под него отводится чистая комната, она должна быть украшена портретами вождей, красными знаменами, революционными плакатами и т. п. Такие «уголки» в совхозах есть, к приезду ревизии их очищают, но иногда в «ленинских уголках» выкармливают телят...

На нарушения «законов об охране труда» совхозами батраки жаловались на съезде с особенной горечью. Любопытно ответил на эти жалобы Томский. Конечно, — заявил он — батраки должны вести борьбу за улучшение своего положения. Классового врага надо давить беспощадно. Так, надо давить «кулака», если он нанимает рабочих. Надо давить крестьянское общество, если оно нанимает пастуха и требует, чтобы пастух нас стадо не 8 часов в день, а дольше. Общество и «кулак» — классовые враги. Но совхоз — не классовый враг. Совхоз — «воплощение социализма». И, *попадая в совхозы, батрак обязан мириться с незибежными в настоящее время неудобствами и должен работать так, как если бы работал для себя и даже еще лучше.* В переводе с жаргона Политбюро на обыкновенный язык это, очевидно, *означает, что для совхозов требуется неохраняемый законами крепостной труд, но лучшего качества, чем в прежних имениях крепостных помещиков.* Требование невозможное. Но необходимо согласиться, что в некотором смысле Томский прав: *советские хозяйства, если и могут кое-как существовать, то лишь при крепостном труде; при всех других мыслимых в настоящее время условиях совхозы — явно бесплодная затея.*

Р. Н-ов.

Совхозные успехи

(ИЗ ПИСЬМА)

Когда имение принадлежало помещику Т. давало оно десятки тысяч рублей чистого дохода и считалось лучшим во всем уезде. Когда дошло до дележа земель, большевики говорили, что такое хозяйство надо сохранить. И крестьяне наши против этого не очень возражали: жалко было хорошо заведенное дело разрушать. Так и образовался совхоз.

Что же из этого получилось? Полевая земля, которая прежде меньше 60 пудов с десятины не давала, теперь и 30 не дает; бывало на ней рожалось в полтора раза больше, чем на наших крестьянских полях, **а теперь у нас в полтора раза больше родится.** Бывало те поля каждый год навоз получали, а теперь они уже **13 лет ни одной крохи навоза не видят.** В третьем году привезли для удобрения фосфорита, рассыпали по заоврежному клину. Рассыпка ли была плохая или фосфорит плохой, только с тех пор на заоврежном клину совсем ничего не родится, в конец вывели землю из строя. **Огородный участок задичал, половиной крапива овладела.** Парники еще закладываются, но рассаду то мороз побьет, то тепло пожжет: бывало, все села кругом в имении рассаду покупали, **а теперь сам совхоз ее ищет по веснам, где купить.** От оранжерей звания не осталось. Сад задичал и замшивел. От прежнего питомника много крестьянских садов пошло, а теперь на месте питомника две козы пасутся. **Племенной скот вывелся.** Английских свиней — и маток и приплод — давно поели. А рабочий скот бродячие собаки бегают. Когда приходит время пахать, **из совхоза бегут в деревню на помощь звать.** Скажешь им: «у вас, товарищи, плуги, машины». Да, что, говорят, наши плуги, вы лучше сохой у нас землю поковыряйте... А так как платит совхоз за работу плохо и еще норовит обжулить, то работают у них неохотно.

У нас крестьяне говорят, что товарищи только на расправу с нами горазды, но ко всякому другому делу у них таланта нет: такими уж, верно, родились.

ВСЕ ДРУЗЬЯ «ДНЕЙ ДОЛЖНЫ СТАТЬ ИХ ПОДПИСЧИКАМИ.

Из мира рабочего движения и социализма

КОНЕЦ ЛОКАУТА В ГЕРМАНИИ. — ВЫБОРЫ В НОРВЕГИИ, ЧЕХОСЛОВАКИИ И ДР. СТРАНАХ.

Кажется, не было за последне время ни одного события, которое бы так волновало общественное мнение Германии, как только что фактически приостановленная, но политически еще не получившая своего завершения борьба в металлургической промышленности в Руре.

И кажется, даже пресловутый «крейсер» не возбуждал такого острого разномыслия и в партийной, и в профессиональносоюзной среде рабочего движения, как решение правительства, в отмену обязательного третейского постановления, послужившего для заводчиков предлогом к локауту, передать все дело на безапелляционное суждение министру внутренних дел. социал-демократу Северингу.

Ведь тогда подавляющее большинство сошлось в осуждении постройки крейсера, постановленной в совете министров. Теперь же голоса разделились и столкновение взглядов, как в социалистической прессе, так и на съезде профсоюза рабочих металлистов в Эссене, явилось законным выражением той сложности и противоречивости исторической обстановки, через которую судьбою дано продираться к социализму организованному движению рабочего класса.

Конечно, для коммунистов этой сложности просто не существует в природе и ответом на все трудности жизни, с которыми сталкивается пролетариат, служит коммунистам один и тот же всегда неизменный трафарет революционной словесности, призывающей к революционной гимнастике.

А как эта гимнастика отразится на пролетарской спине, чем это грозит всему развитию данного общественного или государственного целого — какое дело им, привыкшим свою рыбу удить в мутной воде хаоса, расстройства, общественного разложения?

Так рассуждают коммунисты, но так не могут рассуждать представители организованного рабочего движения, сознающие свою ответственность за судьбы миллионов. И так, конечно, не рассуждали ни социал-демократы, входящие в состав правительства Мюллера, ни те вожди профессионального движения, которые принимали решение в Эссене.

Председатель союза металлистов Брандес, делая свой доклад на съезде, с самого же начала не счел возможным скрыть от присутствующих, что он недоволен «самочинными действиями» министров-социалистов, принявших свое постановление, не переговорив с заинтересованными инстанциями профсоюзного движения. Эта самочинность действия вызвала недоумение и в политических, и в профсоюзных кругах рабочего движения и она может привести к последствиям, ни для кого нежелательным.

Демонстративность предисловия к речи не помешала, однако, Брандесу, переходя к существу вопроса, изложить пере съездом те соображения, которыми руководились с.-д. министры, давая столкновению в Руре такой неожиданный исход.

Казалось, все видимости говорили за то, что нужно предоставить борьбу ее естественному ходу. Общественное мнение даже в широких буржуазных кругах было *против* предпринимателей. Помощь, назначенная локаутированным рабочим рейхстагом, обеспечивала известную устойчивость их сопротивления тресту; и, наконец, решение последней инстанции — имперского суда — имело как будто бы все шансы оказаться в пользу рабочих.

И однако данные социал-демократов, принадлежащих к правительству, разрушали до основания все эти благоприятные доводы.

По их мнению, если даже оставить в стороне вопрос об ожидаемом решении имперского суда в пользу рабочих, что, однако, совсем недостоверно и даже сомнительно, то все же остается два ряда явлений, заставивших с.-д. членов правительства сделать свой ответственный шаг.

Во-первых, хотя помощь рабочих и отпущена рейхстагом, но члены правительства не-социал-демократы, а также и многие депутаты рейхстага, уже обвиняют правительство в том, что оно, осуществляя эту помощь, вышло далеко за пределы своих полномочий, что эти пределы надо восстановить. А это в таком толковании противников социал-демократии рисковало бы свести эту помощь на нет, вопрос же о помощи, вторично поставленный с.-д. на голосование рейхстага, подвергался бы опасности не получить желаемой поддержки.

И во вторых, металлургический трест заводчиков заявил, что если даже верхогная инстанция суда и выскажется в пользу рабочих, то это не заставит трест открыть свои предприятия.

И тот же Брандес, который начал свой доклад с порицания с.-д. членов правительства, принужден был признать всю серьезность приведенных соображений.

Для нас, говорил он, было бы еще с полбеды, если бы провал в рейхстаге повторного предложения с.-д. о помощи рурским рабочим привел только к падению коалиционного правительства. Но настоящая беда уже заключалась бы в том, что падение правительства означало бы вместе с тем и прекращение помощи всем рабочим, неорганизованным в профессиональные союзы, а это при данных условиях грозило бы разразиться настоящей катастрофой не для одних неорганизованных, но и для всего движения в Руре.

Принудить же трест открыть свои заводы — это и Брандес понимал — можно, если не делать уступок заводчикам, только одним действительным средством: угрозой национализации этих заводов. Но опять таки непреодолимым препятствием для этого выхода является наличный состав рейхстага, т.-е. другими словами соотношение сил, существующее в данный момент в стране.

Это соотношение сил заставило правительство пойти на компромисс, но это же соотношение принудило и трест отказаться от привычного ему хозяйского самовластья. Он принял в качестве верховного судьи, на которого нет обжалования и которому не ставят условий, социалиста Северинга, и не только принял этот суд, но и обязался, не дожидаясь его решения, тотчас же открыть все заводы, не производить никаких увольнений и сохранить пока что всю ранее имевшуюся систему тарифных соглашений.

Конечно, надо все же признать, что этот сравнительно благоприятный результат для рабочих мог быть вырван у предпринимателей только за счет существующего института третейских (арбитражных) судов; авторитет этих судов поколеблен решением правительства и это больно ощущается организованным рабочим движением, в котором арбитражный суд за последние годы завоевал себе прочные симпатии. Что и говорить, это дорогая цена, которой куплена возможность отдать в руки Северинга решение вопроса, и неудивительно, что довольно значительное меньшинство на съезде профессионалистов (14 против 27) так и не пошло на это соглашение, не смотря на все свое уважение к личности Северинга.

И все таки центральный орган германской социал-демократии «Форвертс» прав, когда он говорит, что и этот компромисс не был бы возможен, и борьба в Руре имела бы гораздо более печальные последствия для пролетариата, *если бы у социалистов не было прочной опоры, как в имперском коалиционном правительстве, так и в правительстве прусском.*

А затем и еще одно, и конечно, самое важное следствие всей этой рурской истории — *это постановка в пролетариате и вообще в германской общественности вопроса о национализации таких ключевых отраслей промышленности, как металлургическая.*

Самовластие рурских промышленников, их вызов, брошенный в лицо правительству, слишком остро почувствовались всей Германией, чтобы этот вопрос мог вновь исчезнуть со сцены и перестать волновать общественное мнение.

***

Происходившие за самое последнее время выборы в городские думы и во всякого рода местные самоуправления, как нельзя лучше подтверждают ту истину, что чем больше жизнь преодолевает последствия войны и входит в свои берега, тем яснее выделяется повсеместный рост социалистического движения, как неизбежный процесс органического развития современного общества, и *тем определеннее становится призрачность успехов коммунизма*, самым своим существованием обязанного послевоенной разрухе.

Конечно, не всегда этот процесс идет равномерно: и у социализма бывают временные неудачи, и коммунизм проявляет порой живучесть, которую ему в омертвелую ткань искусственно впрыскивает московское золото.

Но такие исключения из правила не нарушают характера общей картины. А последние выборы не оставили даже места и таким исключениям...

Происходили же выборы в Норвегии, в Чехословакии, в Тироле (Австрия), в Тюрингии (Германия). Для нас особенно интересны и важны две первых страны, в свое время особо пострадавшие от коммунистического поветрия.

Теперь в Норвегии, как гласят телеграммы, *коммунисты потеряли* целых 25 мест. в то время, как *рабочая партия выиграла 70.*

И еще гораздо более знаменательны данные о выборах в Чехословакии. В Чехословакии, надо помнить, коммунисты до самого последнего времени представляли собою в парламенте самую сильную из всех партий Чехословакии, а по числу зарегистрированных в ней членов и самую большую в Европе коммунистическую партию: 150 тысяч записанных членов и почти целый миллион голосов, поданных за партию на последних парламентских выборах.

И вот все это великолепие идет в настоящее время *на смарку.* На только что происходивших выборах в местные самоуправления коммунисты потеряли свыше 100.000 голосов, между тем как социал-демократы, чешские и немецкие, наоборот, те же сто слишком тысяч выиграли...

***

В заключение несколько слов по поводу выборов, только что происходивших в Румынии после падения реакционного правительства Братиано и перехода власти в руки крестьянской партии — паранистов.

Выборы, как и следовало ожидать, закончились блестящей победой крестьянской партии, дали несколько мест социал-демократам (9) и ни одного коммунистической партии.

Однако, самой интересной и — я бы сказал — пикантной подробностью этих выборов и их сопровождавшей избирательной кампании является, по сообщению румынских газет, директива из Москвы, полученная местными коммунистами, предписывающая на выборах, там, где коммунисты не выставляют своих списков, поддерживать против блока крестьянской партии и социалистов, реакционную партию Братиано, только что принужденную отказаться от власти и в свое время прославленную своими кровавыми подавлениями крестьян и рабочих.

Осуществлена ли была и на самом деле эта московская директива, известий пока не имеется, но характерен уже самый факт указания на нее.

Что же, для нас такая директива есть только лишняя иллюстрация того, что пакостить социалистам и демократам вообще есть высший закон, которым всюду и всегда руководятся коммунисты, послушные велениям московского коминтерна.

А. Потресов.

ВСЕ, КОМУ ДОРОГО СВОБОДНОЕ СЛОВО, ВЫПИСЫВАЙТЕ ЖУРНАЛ.

Иностранная хроника

КОНГРЕСС «ОБЩЕСТВА СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ»

На происходившем недавно в Цюрихе конгрессе «общества социальной политики» проф Вернер Зомбарт прочел доклад об «Эволюции капитализма». Основное положение доклада сводилось к тому, что капитализм будет еще играть в будущем весьма значительную роль, но что наряду с ним будут существовать и другие экономические системы. **Основное поле для развития капитализма — отныне Азия и Африка.** Но роль европейских стран в этом развитии будет постепено уменьшаться и в конце концов окажется сведенной к нулю в связи с ростом промышленности в «цветных» странах. Все большее сокращение внешних рынков поставит перед всеми европейскими странами основной вопрос — о расширении их сельско-хозяйственной базы и о возвращении к сельскому труду основных кадров населения.

По мнению проф. Зомбарта, мир сейчас стоит на пороге новой экономической эпохи, которую в будущем ученые назовут эпохой «позднего капитализма». Основные черты этой эпохи таковы:

При наличии капитализма, будут продолжать существовать и докапиталистические системы (ремесло). Одновременно будут быстро развиваться «послекапиталистические» системы: смешанные общества, кооперация. Сельское хозяйство достигнет своего расцвета. Рабочий класс усилится и будет содействовать этой эволюции. Рационализация производства наложит на капитализм особый отпечаток.

В прениях по докладу целый ряд ораторов выступил с заявлением о невозможности «предсказывать будущее». Проф. Шульце-Геверниц доказывал, что Зомбарт недооценивает значение идеологического фактора, который может своим вмешательством совершенно видоизменить намечаемую им эволюцию.

ПРОТИВ КАПИТАЛИЗМА

Вся немецкая печать отметила те довольно ярко выраженные антикапиталистические тенденции, которые проявились на недавно закончившемся кельнском съезде католического центра. Эти тенденции нашли себе особенно сильное отражение в речи представителя союзов католической молодежи д-ра Кроне, заявившего, что **по мнению молодежи, партия должна занять ясную и определенную позицию в вопросе о капитализме.** Это необходимое условие для того, чтобы молодежь не отвернулась от партии. С.-д. «Форвертс» в связи с этим так характеризовал антикапиталистические тенденции центра:

«В христианском рабочем движении все сильнее проявляются черты социального радикализма, как противодействие усилению мощи организованного капитализма и результат злоупотребления этой мощью против трудящегося населения и всего народа. Эти тенденции нашли себе сильную опору в нисшем духовенстве, разрабатывающем новое антикапиталистическое учение, основанное на католицизме»...

Любопытно, что в предпринимательских кругах эти тенденции вызывают сильное беспокойство. Так орган горнопромышленников «Бергверкцайтунг» прямо выступил с требованием о вмешательстве духовных властей для ликвидации этих настроений. «Кельнская газета» тоже разразилась упреками по адресу церкви за то, что последняя «увлекается» антикапиталистическими тенденциями.

ПРОТЕЖЕ РЫКОВА

Орган «Ленинбунда» (немецких троцкистов) «Фольксвилле» сообщает, что ЦК ВКП отклонил предложение об исключении из партии известного лидера «правых коммунистов» в Германии Брандлера. Как известно, Брандлер, отстраненный от руководства германской компартией Зиновьевым и замененный ныне тоже отстраненной (и даже совсем устраненной) Руфью Фишер, был несколько лет тому назад вызван в Москву. Здесь он вступил в число членов ВКП. Ему дали какую-то второстепенную работу, главным образом, для того, чтобы не допустить его возвращения в Германию. Несколько месяцев тому назад, в разгар известного скандала с замешанным в растрату партийных денег лидером германской компартии Тельманом, Брандлер возбудил вопрос о желании вернуться в Германию. Сначала его не выпускали. Тогда он пригрозил, что... обратится за содействием, как гражданин германской республики, в германское посольство в Москве. В результате Брандлеру удалось вырваться из России. По приезде в Германию он начал резкую кампанию против Тельмана, что и послужило основанием для возбуждения вопроса об исключении его из ВКП.

Толкуя сообщение о постановлении ЦК, «Фольксвилле» пишет, что немецкие троцкисты «с намого начала сомневались в решимости Сталина коснуться доверенного Рыкова в Германии». «Правое крыло в Коминтерне, — заявляет орган троцкистов, — уже приобрело, благодаря подлизыванию перед ним Сталина, такой вес, что живущая милостью правых фракция не имеет силы выбросить правых из своих рядов».

НЕОСТОРОЖНЫЕ КОММУНИСТЫ

В Иене (Тюрингия) местный с.-д. орган «Дас Фольк» опубликовал весьма любопытное письмо, посланное недавно вернувшимся из России немецким коммунистом Пабстом редактору одной коммунистической газеты. В письме рассказываются разные «партийные тайны»: такой-то коммунист оказался полицейским агентом, такой-то участвовал в растрате партийных денег и т. д. Но гвоздь письма — сообщение о том, как в Готе делегат ЦК некий Коль, недовольный недружелюбным приемом, оказанным ему местным комитетом, решил избавиться от своих противников, спровоцировав столкновение с полицией. План Коля, который он подробно развивал на совещании своих единомышленников, сводился к следующему:

Во время первомайской демонстрации один из сторонников Коля должен был явиться в полицию и заявить, что члены комитета явились на демонстрацию вооруженными. Это заявление должно было вызвать вмешательство полиции, а «некоторые товарищи должны были взять на себя заботу о том, чтобы члены комитета во время столкновения с полицией были ликвидированы».

Как, однако, попало это письмо в руки редакции «Дас Фольк»? Оказывается, что его получил в конверте, адресованном на его имя, председатель тюрингенского ландтага с.-д. Лебер. Попало же оно в конверт по ошибке. Коммунист, член ландтага, Крамер хотел послать его своему товарищу по фракции Циммерману. Но на свою беду он в тот же день написал письмо о каких-то благотворительных делах председателю ландтага. И конверты оказались перепутанными, так что Циммерман получил письмо о делах благотворительных, а председатель ландтага о делах коммунистических...

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПРОГРАММА ФРАНЦУЗСКИХ СОЦИАЛИСТОВ

В «Попюлер» опубликован проект муниципальной программы французских социалистов, представляемый на утверждение созываемого 2 февраля 1929 года Совета партии. В общей части программы подчеркивается, что все предлагаемые парией меры **«входят в рамки практических возможностей, осуществимых в легальном порядке».** Настаивая на необходимости «отнять у капиталистических компаний безконтрольную эксплоатацию общественно-полезных предприятий», программа в то же время указывает, что муниципализация этих предприятий заключается не в введении «бюрократического, дорого стоющего, антипромышленного режима», а в превращении их в «большие автономные учреждения, **в которых могут проявлять себя личная инициатива и гений руководителей промышленности и предпринимателей,** но которые будут поставлены под муниципальный контроль с участием в организации и управлении персонала и потребителей».

ДИСКУССИЯ В ФРАНЦУЗСКОЙ КОМПАРТИИ

Проникновение всякого рода уклонов в французскую компартию побудило Коминтерн приступить к очередной «чистке». Подготовкой к этой чистке является оффициально открытая дискуссия. **Из этой дискуссии выясняется, что виновными в «оппортунизме» оказались такие видные лидеры партии, как Рено Жан и Дорио. Первый, оказывается, считает, что партия недооценивает перспектив, открывающихся перед социал-предателями» в связи с все более укрепляющейся «стабилизацией французского капитализма».** Что же касается Дорио, то он повинен в том, что считает более нужной защиту политических свобод, нежели пресловутую «борьбу с опасностями войны». Кроме того, уклонисты считают необходимым не так сильно подчеркивать зависимость «унитарных» (коммунистических) профсоюзов от компартии. Серьезные разногласия вызывает предписанная Сталиным французским коммунистам избирательная тактика, сводящаяся, как известно, к обязательному выставлению повсеместно коммунистических кандидатур, хотя бы эти кандидатуры были совершенно безнадежны и выставление их могло иметь своим результатом лишь прохождение реакционного кандидата.

Там и здесь

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ

Политбюро всячески стремится удержать симпатии промышленных рабочих. Для этого используются всякого рода подачки в виде никуда негодных, обычно, курортов, коротеньких отпусков и т. д., кое-какие надбавки делаются и к заработной плате промышленных рабочих. Среди обнищавшего населения страны положение промышленных рабочих кажется удовлетворительным. Оно бесспорно лучше, чем положение массы середняцкого и бедняцкого населения деревни. Но такое впечатление создается, если сравнивать положение промышленных рабочих с положением нищенствующего населения России. Если же сравнивать положение промышленных рабочих в России с положением рабочих капиталистических государств, то всякое впечатление о «благополучии» русских рабочих исчезает.

Мы приводим ниже сведения о заработной плате русских и немецких рабочих. Но приводимые нами цифры требуют некоторых пояснений. Прежде всего надо указать, что заработок русских рабочих, получаемый в червонных рублях, мы должны переводить на доллары, руководствуясь советскими данными о внутренней покупательной способности червонца. Правильны эти данные или нет, сказать трудно. Но во всяком случае они всегда грешат преувеличением в пользу червонца, а не обратно.

Дальше, необходимо иметь в виду, что из заработка рабочих в России делаются обязательные вычеты, как, например, вычеты для подписки на заем, для всякого рода «интернациональных» надобностей и т. д. Всего этого мы учесть не в состоянии. Но в таком случае наши данные о заработке будут скорее преувеличенными, чем преуменьшенными. Заработок мы определяем в виде получек за четыре недели.

Теперь у нас получается следующая картина:

Заработная плата в июне 1928 года в долларах в месяц:

	Русск. раб.	Немецк. рабоч.
Металлисты	16,55	50,28 — 35,40
Текстильщики	11,45	36,82 — 30,86
Горнорабочие	14,50	58,14 — 41,22
Печатники	18,70	53,72 — 46,76
Средняя заработная плата по всей промышленности	13,75	51,46 — 38,90

Мы видим, что немецкие рабочие получают больше и значительно больше, чем получают рабочие в «социалистическом» государстве, находящиеся в особо-«привиллегированном» положении.

Это говорит о том, что повышение заработка зависит прежде всего от размеров богатства страны, от высоты национального дохода. Партия разоряет страну и, естественно, этим уничтожает возможность серьезного, а не призрачного улучшения положения русских рабочих.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Не откажите дать место следующему моему заявлению:

Несколько лет тому назад — точнее: в 1924 году — мною были напечатаны в нью-йоркской еврейской газете «Форвертс» отрывки из моих воспоминаний, в том числе и воспоминания о деле Азефа. Рассказывая в них о том, как провокация Азефа была обнаружена, я, между прочим, упомянул, что в последнем (и единственном) допросе Азефа, происходившем на его квартире в Париже в первых числах января 1909 года, участвовали трое: В. М. Чернов, Б. В. Савинков и «Николай» (член Боевой Организации П.С.Р.). При этом я указал, что настоящее имя «Николая» — Ян Бердо (партийная кличка «Ротмистр»), что позднее (зимой 1909-1910 г.) он участвовал в попытках подготовки покушения в Петербурге на Николая II, затем своими товарищами был сам заподозрен в провокации, в 1911-12 г. покончил жизнь самоубийством и что только в 1917 году, после вскрытия дел Департамента Полиции, оказалось, что он, действительно, служил в тайной полиции.

С моих слов об этом же сообщил Б. Николаевский в своей книге «Конец Азефа» (Ленинград, Государственное Издательство, 1926).

Только теперь я выяснил, что сообщенные мною сведения оказались не совсем верными — или, вернее, совсем неверными, поскольку я отождествил «Николая», члена Боевой Организации, принимавшего участие вместе с В. М. Черновым и Б. В. Савинковым в допросе Азефа, с Яном Бердо (он же «Ротмистр»). Память мне здесь изменила: «Николай» и Ян Бердо («Ротмистр») — два разных лица и мое указание на службу в Департаменте Полиции относится только к Яну Бердо и не относится к «Николаю» (носящему совершенно другую фамилию). Ян Бердо, действительно, покончил с собой в 1911 или 1912 г. в Париже, что же касается «Николая», то он здравствует и поныне.

Я чрезвычайно сожалею о допущенной ошибке, рад ее вскрытию и считаю своим долгом восстановить факты.

В. Зензинов.

Париж, 18 декабря 1928.

ЛИСТОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Критики

Всякий раз, как заходит вопрос о литературной критике, в отзывах российских писателей (и даже читателей) слышится нотка раздражения, а иногда и признание критики ненужной и вредной. Читатели жалуются на то, что журнальные рецензии не только не дают правильного освещения новых произведений, но и путают читательское мнение, заводят его в тупик и мешают самостоятельной ориентировке. Писатели откровенно говорят, что нынешние критики творчеству не помогают и что руководиться их указаниями или хотя бы только прислушиваться к их голосам никому не может прийти в голову. Наконец, и сами критики непрестанно именуют друг друга бездарностями — и, повидимому, они недалеки от истины.

Приходится выделить и особо поставить критику оффициальную, должностную, некоторым образом доносительскую, примеры которой мы не раз здесь приводили. О ней говорить не стоит — это лишь литературный отдел ГПУ. И главное несчастие не в этих рассуждающих пером полицейских надзирателях, к деятельности которых все привыкли и приспособились. Основное горе российской критики в ее искренней марксистской установке.

Как в вопросах политики — тень Ленина, так в вопросах литературы и искусства вызывается неизменно, в качестве непреложного авторитета, тень Плеханова. Но Плеханов был талантлив и писал в те дни, когда было чему противополагать марксистскую установку; от его писаний действительно нечто осталось — они были нужной и заметной поправкой к установке эстетической. Ученики и последователи Плеханова (из заметнейших — Фриче, Львов-Рогачевский, П. Коган) отличаются исключительной бесталанностью. Попугаями произнося его слова, они не способны оживить их смысла живым пониманием; они застыли в готовых формулах и застряли в зарослях негибкой догмы. Сказалось на них и время. Если Плеханов говорил о марксистской идеологии, то Фриче (в недавней его речи в Коммунистической Академии) подымает уже речь о мерах насильственного воздействия, о снятии с книжного рынка четырех-пятых «мелко-буржуазной издательской продукции», о сокращении количества издаваемых журналов, снятии с репертуара опасных в этом смысле пьес, усилении цензуры и т. д. Даже Н. Н. Суханов, старый политик, недавно превратившийся в беллетриста (он написал ужасающую по бездарности пьесу), даже этот «стопроцентный марксмист» назвал рекомендованные Фриче методы внелитературного воздействия «скалозубовскими».

Выступления Фриче и созвучных ему критиков уже перестали, повидимому, быть непосредственно опасными для российских писателей. Они не столько пугают, сколько наводят гнетущую тоску. На книжный рынок они действуют довольно оригинально: как хорошая реклама литературы «классового врага». Разнос со стороны Фриче и фричеобразных почти всегда знаменуют присутствие в произведении, подвергшемся их обстрелу, живой мысли и некоторой независимости идеологического подхода. К этому привыкли, и этим руководствуются. Особенно радоваться этому не приходится, так как суждения таких критиков, как отрицательные, так и положительные, не имеют ничего общего с приемами критики художественной. Иной раз произведение, отвергнутое ими по признаку политической неблагонадежности, должно быть отвергнуто по неблагонадежности художественной, и творимая ему реклама весьма прискорбна. Но утомленный читатель готов порою мириться с недостатками эстетического порядка, лишь бы питаться пищей «нерекомендованной», настолько надоели пресные марксистские блюда, которыми он, по намеченной программе, должен искренно увлекаться.

Одной из любопытных черточек критических приемов, ныне процветающих, является постоянная ссылка на преимущественную читаемость произведений по статистике библиотек: «вот что требует массовый читатель». С этими ссылками, основанными не на цифрах, а на авторитетных «логических предположениях», происходят постоянные курьезы. Так, например, в ном. 47 газеты «Читатель и Писатель», рядом напечатаны две статьи, Б. Авербаха и В. Арсова, посвященные теме об авантюрных романах и нужности их для массового читателя. Б. Авербах, противник «приключенческой» литературы, утверждает, что «трудящиеся, видящие настоящую романтику — романтику строительства новых форм жизни — на каждом шагу, эти массы авантюрных романов не читают. Это, — прибавляет он, — *подтверждается отчетами библиотек*». Рядом с ним В. Арсов, защитник хорошей авантюрной литературы, доказывает ее нужность тем, что «существует повышенный спрос на приключенческую литературу в наших *библиотеках*, даже со стороны взрослого читателя». Кому из них верить — сказать трудно, но доводы, которыми они в своих спорах оперируют, весьма забавны.

Массовый читатель вообще козел отпущения, и неизменно этому массовому читателю каждый критик приписывает именно свои вкусы и свои запросы к литературе. Народ же остается прежним неразгаданным иксом. Искренние попытки разгадать его запросы наталкиваются на непреодолимое препятствие: на невозможность для массового читателя свободно выбирать себе литературную пищу. По необходимости он потребляет то, что ему преподносится, иногда с аппетитом, иногда с видимым отвращением, но всегда молча, потому что высказаться ему негде, к тому же и бесполезно. Кое что о мнении массового читателя знают издатели, делающие ставку на его вкус и имеющие свою своеобразную статистику, но именно эти издатели менее всего заинтересованы ломать копья. Они заняты одним: превращением каждой книжки, хотя бы явно воспевающей жизнь «графьев и князьев», в коммунистически-приемлемую, путем снабжения ее предисловием, самым марксистским, самым идеологически-выдержанным, которое служит паспортом благонадежности и, конечно, никем не читается. Пишут же его... те же самые критики, которые столь искренне борются против нездорового уклона в литературе.

Пролетарское искусство

Вопросу о том, что такое пролетарское искусство, посвящены за эти годы тысячи статей, и все таки вопрос не ясен. Как только дело коснется примеров или точного анализа, происходит путаница понятий.

Повидимому, содержанием пролетарского искусства должна быть жизнь масс, а не индивидуумов, классовая борьба, а не мещанское житие. Но о жизни масс писали и старые народники, писал и Лев Толстой, пишут сейчас «попутчики». Бабелевская «Конармия» имеет сюжетом революционное движение трудовой массы, облеченной в солдатскую одежду — есть ли эта книга образец искусства пролетарского? Одно время ее считали таковой; сейчас ее не только отрицают, но и отвергают с презрением все ортодоксальные критики.

Классовой борьбе один художник посвятил свою картину, именно так им и названную (выставка ОМХ-а). Картина, на которой изображена жестокая борьба двух гориллоподобных дикарей, вызвала самое резкое осуждение критиков. Значит дело не в сюжете, а в идеологическом подходе: пусть будет

драка, но одна из дерущихся сторон должна быть изображена гориллой, а другая благородным героем, что нибудь вроде Геркулеса, убивающего гидру.

Если взять такую классическую тему и подписать под ней: «да здравствует революция!» — будет ли это истинным образчиком пролетарского искусства? И с этим не все согласны. Сам художник тоже должен быть «сыном крестьянина и рабочего», иначе ему недоступны переживания класса.

Итак — пролетарий, изображающий сцены пролетарской борьбы, при чем на одной стороне — положительные типы, на другой — отрицательные. Образчиков такого искусства создано множество, и все они по природе своей антихудожественны, что отмечают и марксистские критики, признающие, что одной тенденции мало, что требуется еще художественная правда.

В результате теоретически провозглашается небывалый расцвет в СССР пролетарского искусства — при полном отсутствии достойных признания образчиков. «Цемент» Гладкова? Но и знаменитый и прославленный «Цемент» встречает кислое отношение, и в нем усматриваются «мелкобуржуазные тенденции». Положение оказывается безнадежным.

В последнее время вся марксистская критика единодушно признает, что «массовое искусство »вытесняется «камерным» и в литературе и в искусствах изобразительных: бытовая идиллия, самоварный уют, отход в прошлое, экзотика. И литература и живопись стараются дать нечто аполитическое, и, вместо отражения социального строительства, рисуют жизнь индивидуума. Но именно аполитизм — всего опаснее, он то и знаменует собою мелко-буржуазный уклон, вытеснение вопросов классовой борьбы, забвение и дискредитирование великих задач! Талантливый художник уходит от общественной борьбы, уступая место бесталанному пролетарскому маляру, как специалисту по части классового подхода к искусству. Запретить ему писать невозможно, потому что в творчестве его нет ничего явно-преступного; но и привлечь его нечем: он уже не гонится за оффициальным признанием, а довольствуется вниманием обывательской толпы, которая лучше оплачивает его работу, чем может делать это истощенная казна.

Проповедники пролетарского искусства вырабатывают лозунги борьбы против печальных уклонов. Провозглашается «единство перед лицом укрепляющихся классово-враждебных пролетариату групп», «организованное наступление на мелкобуржуазное искусство» и «создание действительно-пролетарского, классово-выдержанного и массового искусства». Лозунги прекрасны — но они остаются лозунгами. Можно уничтожить или обезвредить противников полицейскими мерами, как это не раз делалось, но противопоставить их деятельности попрежнему нечего, кроме отличных слов и пламенных пожеланий.

Пролетарское искусство переживает кризис. О кризисе говорят, и даже слишком много. Только один вопрос все еще под запретом и не допускается к дискуссии: может ли вообще существовать «пролетарское искусство», не есть ли это только выдумка теоретиков?

И нашимъ, и вашимъ...

Пикантный случай рассказывает «Вечерняя Москва», именуя его «неприятным эпизодом» и взывая к писательской искренности.

«В редакцию одной газеты известный писатель, в своих романах безобязненной рукой приоткрывающий завесы над самыми сокровенными уголками жизни революционного авангарда, по свойски обращающийся с героями, выхваченными из самого пекла классовой борьбы, — прислал рассказ. Рукопись была старательно выправлена. Из чисто платонического любопытства в редакции сверили вычеркнутые строки с вновь вписанными и пришли к ошеломительному открытию.

Обычный батальный рассказ, повествующий о злокозненных немцах и доблестных офицерах-летчиках, сражающихся под царским трехцветным знаменем, превратился в новеллу из эпохи польско-советской войны. Операция была произведена над именами героев, над некоторыми устаревшими терминами (вроде «ваш-бродь») и над социальным происхождением главного персонажа. Ранее добродетельный сын какого-то офицерского чина, сейчас он был наделен вполне трудящимися родителями, имеющими законный стаж физического труда.

А психология? Оказывается, что красные летчики и красноармейцы в обстановке войны ничем не отличались от царских солдат и офицеров.

Почтенный писатель объяснил, что рассказ им переделан в подобном плане, так сказать, по деловым соображениям. Он, видите ли, нашел, что психология персонажей более близка эпохе гражданской войны, чем эпохе войны империалистической»...

Случай, действительно, неприятный. Но кто же такой этот «почтенный писатель», да еще и известный?

Газета дает его инициалы: Гл. А-в. Этих инициалов совершенно достаточно, чтобы угадать маленького писателя-эмигранта, жившего в Берлине, «известность» же приобретшего только после отъезда в СССР (путем предварительного сотрудничества в «Накануне»), в страну, где таланты расцениваются несколько выше истинной ценности.

Но тогда ясно, откуда взялся рассказ, позже приспособленный для нужд пролетариата: этот рассказ был заготовлен, вероятно, для «Руля» или другой эмигрантской газеты. Теперь, когда Гл. А-в стал знаменитостью, старые завалы портфеля пущены в ход, так как производство его отстает от спроса. И даже для простой переписки не хватает времени, — приходится ограничиваться чернильными поправками фамилий и званий героев.

«Случай с Гл. А-вым исключителен», — уверяет «Вечерняя Москва». Мы, однако, этого не думаем. Перед нами, например, другой, гораздо более яркий случай: приспособление А. Н. Толстым «Хождения по мукам» к требованиям новой обстановки и новой идеологии. Произведение начато в бытность А. Толстого эмигрантом, и начало его написано в соответствующем духе. По отъезде же в Россию то же самое произведение продолжено и закончено в духе и стиле совершенно ином, к сожалению — с меньшим проявлением таланта. Но так как мастерская А. Толстого гораздо лучше оборудована, то и переделки произведены гораздо «органичнее».

Преступление Стефана Цвейга

При всем преклонении перед Стефаном Цвейгом, журнал «На литературном посту» не может извинить ему легкомысленных слов о Льве Толстом.

Цвейг пишет: «До самой смерти, с неумолимой пристальностью направлен был взор Толстого в эту черную бездну, в этот непостижимый внутренний мир, скрывающийся за спиной бытия. Но даже устремленный в пустоту взор такого гиганта, как Лев Толстой, остается острым и ясным — мудрейший, одухотвореннейший взор человека нашей эпохи».

Назвать «мудрейшим» Толстого, который «всю свою жизнь не мог разгадать, откуда зло в мире», тогда как сейчас это известно любому комсомольцу! Но, главное, что это за «непостижимый внутренний мир»? О каком непостижимом мире можно говорить, «когда наука делает изумительные успехи, все больше и больше его познавая, отгадывая тайну за тайной»? Этот непостижимый мир Стефана Цвейга явно явился «из кладовой издревле непогрешимого богословия».

Берет зависть, когда читаешь эти строки убежденного напостовца! До чего же этим людям все ясно — и откуда в мире зло, и в чем разгадка тайн природы! До того ясно, что даже, вероятно, скучновато, какое-то сплошное «дважды-два — четыре». Одним махом, в одно десятилетие познано все, о чем люди спорили целые века и чему не могли найти решения. Дальнейшее — лишь «вопрос техники и классификации», и вся мудрость бытия может быть превращена в пилюли, которые и будут даваться младенцам в первый день их земной жизни.

КНИГИ ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ ДЛЯ ОТЗЫВА:

П. Е. Степанова-Мельгунова: Там где не смеются. («Родник»).

«Русский Архив». Кн. 2-ая. Белград.

H. H. Fisher: America and the New Poland (The Macmillan Company. New-York, 1928).

General Sikorsky: La guerre polono-russe en 1920. (Ed. Payot. Paris, 1928).

Henning Keller: Chroniques russe 1917-1919. (Perrin et C-o. Paris, 1928).

René Fullop-Muller: Le diable sacré—Raspoutine et les femmes. (Payot. Paris, 1928).

L. Guermanoff: Le question juive en U.R.S.S.

В БЕЛГРАДЕ ВЫШЕЛ № 2 «РУССКОГО АРХИВА»,
журнала на сербском языке, целиком посвященного России.

«Русский Архив» двухмесячный толстый журнал (216 страниц). Его появление было встречено крайне сочувственно всей югославянской прессой, без различия направления. Содержание № 2 «Руссского Архива» следующее:

Д-р М. Слоним — Единство Толстого (иллюстрации — Л. Н. Толстой. Л. Н. Толстой 1857 - 1861. Л. Н. Толстой и В. Булгаков (в январе 1910 г.). Толстой в своем кабинете в Ясной поляне. Толстой за работой). **Б. Миркин-Гецевич.** — Права советского гражданина. **Е.Сталинский** — Что такое большевизм? **Пр. Лапшин** — О философском значении русской науки (окончание). **Инж. С. Верещак** — Перспективы сельской промышленности в СССР. **Проф. С. Загорский** — Финансы в СССР. **Я. Лозовой** — Вопросы переселения и колонизации в СССР. **Др. Н. Мельникова-Папоушек** — Старая и новая русская интеллигенция. **В. Архангельский** — Молодежь в советской России. **Д-р М. Слоним** — Течения в современной русской литературе. **Д-р Кнорринг** — В художественной мастерской П. П. Чайковского. **А-Ре.** — Музыка в России. — **Русская хроника.** — **Библиография.**

Цена 1 экз. — 11 динар (5 франц. фр.) Подписная плата за год 120 дин. (60 фр.)
Адрес Редакции и Администрации: улица Краля Петра 79, Белград, Югославия.

БРИЛЛИАНТЫ

жемчуга, платину, золото, серебро и старинные вещи выгодно продадите фирме

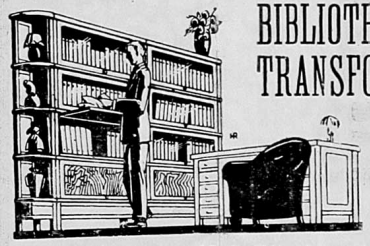
И. Вильк

из Петербурга.

Специальность: старинные табакерки

41, rue Le Pelletier, M-o Pelletier
coin 41, rue Lafayette, PARIS IX
Téléphone: Trudaine 67-77

КНИЖНЫЕ ШКАФЫ M. D.



BIBLIOTHEQUES EXTENSIBLES ET TRANSFORMABLES a tous moments

Книжные шкафы **M.D.** растут по мере увеличения Вашей библиотеки. Устанавливаются где угодно. Занимают minimum места и вмещают maximum книг. (Полный каталог № 70 со всеми ценами высылается бесплатно).

Bibliotheque M. D. Tél.: Littré 11-28, 9, rue de Villersexel, Paris VII

Imprimerie Coopérative
FRANCO - SLAVE

Fondée par un groupe
des camarades russes
32, rue de Ménilmontant, PARIS
Métro: Ménilmontant. Autobus: O et Q
-:- Téléphone: Ménilmontant 67-41 *-:-*

COMPOSITIONS ET IMPRESSIONS EN TOUTES LANGUES: FRANÇAIS, LANGUES SLAVES, LATINES, ORIENTALES ETC., JOURNAUX QUOTIDIENS, REVUES, LIVRES, BROCHURES, CATALOGUES, PROSPECTUS, ARTICLES DE COMMERCE ET PUBLICITE

PRIX DE FAVEUR
pour les organisations ouvrières, pour les militants du Parti SFIO et de la Conféd. Gén. du Travail
Application stricte des tarifs syndicaux

Фермы, имения, хозяйства, дачи, дома, участки

ИЗЪ ПЕРВЫХ РУК
ОБРАЩАТЬСЯ:

BORIS
ARCHITECTE

35, Bd Haussmann.
Tél. : Louvre 65-89

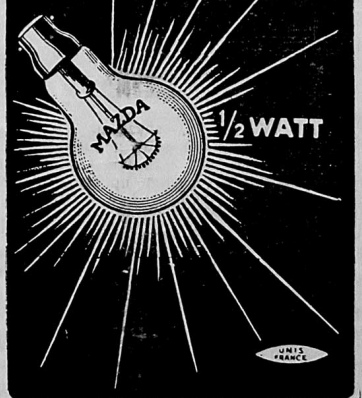
ÉTABLISSEMENTS
J. H. BERRENS
86-88, AVENUE DES TERNES
PARIS (17e)

T. S. F.

Лучшие аппараты, дающие возможность слушать
ВСЮ ЕВРОПУ и РОССИЮ

Все принадлежности для радіо •• УМЕРЕННЫЕ ЦЕНЫ
Требуйте каталоги -:- Тел.: Wagram 17-33

MAZDA



„ДНИ“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

ВЫХОДИТ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ

Главное внимание журнал уделяет
информации о России

Корреспонденции и письма из России

Статьи по вопросам внешней и внутренней политики

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:	Цена отд. ном.	в месяц
Во Франции, Чехии и Югославии	2 фр.	6 фр.
В Германии и лимитрофах	50 пф.	2 марки.
В Америке		1 доллар.
В Англии и колониях	6 пенс.	2 шилл.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

„DNI“ 9bis, rue Vineuse, Paris (16e)

Le Gérant : Rossel-Ch[illegible]t. Imprimérie de la Soc. Nouv. d'Edit. Franco-Slaves, 32 rue de Ménilmontant, Paris

сайт-архив эмигрантской прессы

20-е, 30-е года, парижские, берлинские издания и много чего еще

www.Librarium.fr

Друзья, мы никогда не будем продавать pdf-версии журналов или вводить платную подписку на сайте.
Наоборот, будем совершенствовать и улучшать доступ к материалам, делать его простым и удобным.
Вы можете оценить наш труд любой суммой и поддержать дальнейшее развитие проекта. Спасибо!

Наша почта: opera78@gmail.com

Наш номер счета: 410011470269977